

Вопрос возвращения II:

«Великий перелом» и Запад в биографии И. Э. Бабеля
начала 1930-х годов¹Григорий Фрейдin
Stanford University

Pourquoi demander l'impunité pour le littérature? [...] La pensée est aussi dangereuse que des actes. Nous sommes des gens dangereux. C'est un honneur que d'être condamné sous un tel régime.

André Gide²

[...] наш молодой ученый знает, что вечных истин нет. [...] На примере Беломорско-Балтийского канала, Болшевской и других колоний этого типа мы, литераторы, должны понять, какие блестящие результаты дает наша система воспитания правдой и как велика сила этой единственной подлинно революционной правды.

Максим Горький, «О точке и о кочке» (1933 г.)

Долгие периоды пребывания И.Э. Бабеля в Западной Европе, как и длительные и частые путешествия других советских писателей в 1920-е годы, можно рассматривать как желание воспользоваться профессиональными и другими возможностями, которыми ни Советская Россия, ни Запад, взятые отдельно, предоставить не могли. Однако политическая ситуация в России и за рубежом обязывала к выбору. Теперь можно только догадываться, почему, несмотря на поразительную широту кругозора, видимое отсутствие признаков властолюбия и тщеславия,³

глубокую осведомленность в политических делах (как о том убедительно свидетельствуют записи Фурманова и Бориса Суварина⁴), непосредственное знакомство с ужасами коллективизации,⁵ а также отличное владение французским языком и культурой и, наконец, переселение за границу близких членов семьи, — Бабель, находясь за границей, отказывается от ухода в эмиграцию и троекратно возвращается в СССР. Более того, с конца 1920-х годов чуть ли не вплоть до самого его ареста 15 мая 1939 г. Бабель, если верить письмам писателя и другим документальным свидетельствам, не теряет надежды на возвращение в СССР матери, сестры с мужем (Шапошниковы) и жены с дочерью (Евгения Гронфайн и Натали Бабель).⁶ Несомненно, письма за границу из СССР могли писаться в расчете на почтовых перлюстраторов. Но можно ли не доверять письмам писателя, которые он отправлял из Парижа в Брюссель (где обосновались мать его и сестра)?⁷ Многие из писавших о Бабеле, в том числе его дочь, Натали Бабель,⁸ объясняют этот парадокс верностью России, политическими убеждениями автора «Конармии» и говорят о его *советском патриотизме*,⁹ преданности режиму, опрокинувшему царизм, столь ненавистный для большинства русской интеллигенции и особенно для выходцев из еврейской среды.

Однако, как бы справедливы ни были эти утверждения в общем плане, понятие патриотизма в применении к Бабелю и его соотечественникам-современникам требует уточнения. Действительно, *советский патриотизм* на втором десятилетии переменчивой советской власти, — это состояние не только сердца, но и ума, причем состояние, в котором сложным образом переплетаются политические, нравственные и практические соображения и оценки, и, что еще существеннее, реакция писателя на события за рубежом. При всей его очевидной лояльности, у Бабеля все эти соображения складывались в сложную картину. «Родина, — писал он своему другу Исааку Леопольдовичу Лифшицу в 1928 г., —

встретила меня грустно — осенью, слякотью и бедностью такой, что не расскажешь. Только теперь, посмотревшись на богатых, я знаю истинную цену этой бедности».

А через несколько дней ему же: «Здесь тебе не Париж — заработать можно.»¹⁰ Мог Бабель и оскорбиться известными нападками Буденного, но вместо этого он воспринимает их как подспорье в расширении популярности *Конармии* и сборника рассказов *Король*:

Я думаю, что письмо Буденного должно способствовать расхождению *Конармии*. Поэтому прошу тебя справиться в главном складе (хорошенько справиться) об оставшихся экземплярах 3-го издания *Конармии* и второго издания *Короля*. Если Госиздат откажется переиздавать, я немедленно продам эти книги в другое издательство. Я думаю, что такой дар небес, как письмо Буденного, надо всемерно использовать.¹¹

Казалось бы, возвращение Бабея в СССР в 1928 г. после длительного пребывания во Франции должно было говорить само за себя и ставить лояльность писателя вне подозрений, но даже такой доброжелательный и искусный наблюдатель, как редактор *Нового мира* Вяч. Полонский, мог в 1931 г. писать о Бабеле как о человеке «крайне чуждом революции»:

Странная судьба писателя. С одной стороны, бесспорно: он «честен» — и не может приспособиться. С другой — становится все более ясно, что он чужд крайне революции, чужд и, вероятно, внутренне враждебен. А значит притворяется, прокламируя свои восторги перед строительством, новой деревней и т.п.¹²

Малоизвестные документы, публикуемые ниже, дополняют и, я бы сказал, усложняют оценку позиции одного из самых ярких советских писателей в начале тридцатых годов, писателя, обладавшего редкой в сталинскую эпоху привилегией — возможностью выбирать место жительства по обе стороны границы СССР.

* * *

Известные сейчас материалы заставляют предположить, что серьезно вопрос об эмиграции встал перед писателем уже

в 1924 г. Сестра Бабея, Мера, и ее муж, доктор Григорий Шапошников, в начале 1925 г. покинули Россию и поселились в Брюсселе, а в июле 1926 г. к ним присоединилась мать Бабея (Фаня Ароновна). Евгения Гронфайн, жена писателя, художница, выехала из СССР в конце 1925 г. и обосновалась в Париже.¹³ Можно предположить, что Бабель собирался в скором времени последовать за женой. Во всяком случае, в письме А. М. Горькому от 25 июня 1925 г., где он просит содействия Горького в получении разрешения на выезд жены из СССР и получения для нее итальянской визы («Если Вас запросят, не откажите, Алексей Максимович, ответить, что она человек тихий, для России бесполезный, для Италии безвредный»), он говорит о своих планах «в начале зимы ехать за границу».¹⁴ Задержали писателя в Москве, очевидно, литературные дела (в 1925-26 гг. у Бабея выходят три сборника и один киносценарий), вспыхнувшая большая слава, по выражению Шкловского, «роман с читателем»,¹⁵ да и не только с «читателем» как таковым. Звезда Бабея была в то время в зените. По свидетельству А. Лежнева, в течение года, предшествовавшего появлению отдельного издания *Конармии*, объем критической литературы о нем превысил объем всего, что сам Бабель успел за последнее время опубликовать.¹⁶ Представление о жизни Бабея тех лет можно составить по его переписке, особенно по письмам, адресованным близкой ему в то время Тамаре Владимировне Кашириной (Ивановой), часть которых с сопровождающим их комментарием опубликованы в ее воспоминаниях.¹⁷ Только в июле 1927 г. Бабель отправляется в Париж к жене и задерживается за границей (главным образом, во Франции) до октября 1928 г. Там же в июле 1929 г. родилась его первая дочь, Натали. Вернулся Бабель в Россию 15 октября 1928 г.,¹⁸ и уже в мае 1929 г., а возможно и раньше, начинает хлопотать о заграничном паспорте.¹⁹ Однако, надеждам его на скорую поездку за границу не суждено было оправдаться.

Два следующие года, Бабель, как и другие советские писатели, мобилизованные на стройки пятилетки, проводит в разъездах, путешествуя по Украине и югу России, работая в кино и собирая материал для новой книги о коллективизации.²⁰ Он

подолгу живет в селе Молоденове (поблизости от подмосковной дачи Горького), время от времени наезжая в Москву, где, между прочим, хлопочет в Правлении ФОСП о получении трехкомнатной квартиры, оправдывая столь экстравагантное по тем временам требование скорым, но так и не осуществившимся приездом из-за границы жены и ребенка.²¹ В середине 1930 г. пресловутое «молчание» Бабеля (термин, не чуждый и самому писателю),²² которое на фоне *сплошной* политизации общественной жизни в стране легко истолковывалось как прозорливо завуалированная крамола, подтолкнуло его недоброжелателей из РАППа на публичный, широковещательный донос. Донос появился 10 июля 1930 г. в виде статьи «Наши на Ривьере» в *Литературной газете*.

Написанная с характерной для РАППа язвительностью и хамским задором, статья принадлежала перу незадолго до этого прибывшего из Парижа в СССР члену Ассоциации польских пролетарских писателей (WOAPP) Бруно Ясенскому.²³ Расчет был очевидным: удар по хорошо известному и высоко ценимому на Западе писателю должен был нанести собрат по перу с международной репутацией. Состояла заметка-донос Ясенского из тенденционного пересказа наиболее пикантных в политическом отношении мест, выбранных из мифического интервью, которое Бабель якобы дал в 1928 г. на Ривьере корреспонденту польской газеты *Wiadomosci literackie* Александру Дану. При фактически безраздельной монополии РАППа в то время в культурной жизни страны, заметка Ясенского воспринималась как очередной удар по попутнической литературе вообще и по ее «великому молчальнику» в частности.²⁴ Бабель должен был либо доказать свою лояльность, что в тогдашней атмосфере было делом нелегким, либо — сойти со сцены.

Интервью Дану оказалось ложным, как и слухи о намерении Бабеля остаться навсегда во Франции, которые распространились в Москве в 1927-1928 гг.²⁵ Как сообщает польский биограф Бабеля Янина Салайчик, вскоре после публикации заметки Ясенского выяснилось, что интервью Дану давал не Бабель, а неизвестный человек, выдавший себя за него. Как сам Дан, так

и редакция газеты *Wiadomosci literackie* поспешили заверить *Литературную газету* в том, что сами оказались невольными жертвами этой мистификации.²⁶ Хотя такие заверения «буржуазной прессы» вряд ли могли успокоить бдительную советскую общественность (*Литературная газета* писала о «сомнительной невинности польского еженедельника»²⁷), Бабелю удалось себя оправдать и отклонить предъявленные ему обвинения перед срочно созданным в этих целях «трибуналом» Секретариата ФОСП.²⁸

Заседание Секретариата состоялось 13 июля, т.е., через три дня после публикации доноса Ясенского. Самозащита Бабеля оказалась настолько эффективной, что уже в очередном номере *Литературная газета* поместила заметку Бабеля под заголовком «Против клеветнических выпадов буржуазной печати по адресу советских писателей.» Опровержение это отчасти было основано на выступлении Бабеля перед «трибуналом» ФОСП. Стенограмма самого выступления сохранилась в Отделе рукописей ИМЛИ и была приведена в книге Янины Салайчик²⁹. Документ этот, который я ниже воспроизвожу,³⁰ заслуживает пристального внимания. Он дает отчетливое представление о высокой степени политизированности советской литературной жизни в начале 1930-х годов и, в частности, о сложной игре апелляцией к соображениям международного престижа, политическими и литературными связями и определенным образом конструированной биографией. В определенной степени он дает и интересный портрет самого писателя. Бабель, как показывает стенограмма, превосходно владел правилами этой рискованной и изнурительной игры и, более того, если верить его собственным словам, находил в этой игре с сильными мира сего особое наслаждение.³¹

В настоящем случае Бабель, очевидно, быстро определил, что противники его переоценили степень своего могущества, и чуть ли не с первых слов перешел в контратаку. «В связи с этим выступлением Дана рождается ряд вопросов,» начал он, следуя известной одесской формуле отвечать вопросом на вопрос, а фактически бросая вызов своим обвинителям:

Когда я был за границей, я был поражен своей популярностью в Польше и Германии. [...] В свое время мои рассказы о прежней работе в Чека подняли за границей страшный скандал, и я был более или менее бойкотируемым человеком. [...] *Литературная газета* поступила неправильно, не показав предварительно статью мне [...] Как могло случиться, чтобы такого человека, против которого за все эти годы не поднялся и не мог подняться ни один голос, как могло случиться, чтобы на такого человека был вылит такой ушат грязи.

Последнее заявление, которое можно было рассматривать как завуалированную угрозу, не может не вызвать изумления. Ведь политическая неблагонамеренность или неблагонадежность Бабеля выглядели в тогдашней ситуации гораздо более определенными, чем его идеологическая доброкачественность. Не могли же члены Секретариата забыть критику *Конармии* Н. Осинского в *Правде* (28 июля 1925 г.) и неизменно ядовитые выпады против Бабеля со стороны напостовцев,³² «Молодой гвардии»³³ и других,³⁴ не говоря уже об инспирированной врагами А. Воронского шумной полукомической кампании Буденного.³⁵ Оба главных покровителя Бабеля в советской литературной прессе — А. Воронский, поплатившийся ссылкой за свой «троцкизм», и редактор *Нового мира* Вяч. Полонский — утратили былое влияние. Однако, Бабель действовал, как человек, непоколебимо уверенный в силе своих связей и репутации. Он продолжил контратаку в форме снисходительной защиты своих обвинителей, позволивших себе допустить столь элементарный политический промах — поднять руку на «безупречно-советского» писателя. И опять в явном противоречии фактам, Бабель предложил удобное для себя объяснение происшедшему недоразумению:

Я полагаю, что это в значительной мере можно объяснить тем, что я, напечатав в 1925-26 г. книгу, — исчез из литературы.

Напомню, что в 1925-26 гг. у Бабеля на самом деле вышли следующие книги: *Любка Козак: Рассказы, История моей голубятни: Рассказы, Рассказы, Конармия, Бень Крик: Киноповесть,*

Блуждающие звезды: Киносценарий. Что касается его последующего «исчезновения из литературы», то и оно было весьма не полным. Пьеса Бабеля, «Закат», над которой он работал в 1926-27 гг., ставилась в 1928 г. на Украине и в Москве, и, хотя постановка ее МХАТом II не завоевала должного успеха, многочисленные отклики в прессе не позволяют говорить о Бабеле как о малозаметном, исписавшемся авторе.

Действительное специфически литературное «молчание» относится лишь к 1929-1930 гг., когда Бабель усиленно работал в кино. Но на эти годы и приходится начало первой пятилетки — периода, когда партия принялась за социалистическую реконструкцию не только промышленности и сельского хозяйства, но и самого человека.³⁶ В такой атмосфере производительность автора *Конармии* мало соответствовала эпическому размаху «великого перелома», а, напротив, походила на затаенное недовольство знаменитого писателя и вызывала подозрение. А это уже требовало разъяснений.

Бабель повел речь издалека, не преминув упомянуть магическое в официальной среде имя Максима Горького. Возвратившийся в Италию после своего триумфального визита в СССР в 1928 (как и после повторного визита в 1929 году³⁷), Горький, по словам Луначарского, «в буквальном смысле слова находился на страже авторитета и морального достоинства нашего великого строительства».³⁸ Травля Бабеля, которому он открыто покровительствовал, поставив Буденного на место в своем «Ответе» в *Правде* (27 ноября 1928 г.), могла повлечь за собой ответную акцию Горького. Бабель считал уместным напомнить об этом собравшемуся писательскому синедриону:

Зеленым мальчиком я попал к Горькому и 20-ти лет — в ноябре 1916 г. напечатал свою первую вещь в горьковской «Летописи» [рассказ «Старый Шлойме» опубликован в журнале *Огни* в 1913 г., Г.Ф.]. Мне сейчас же было предъявлено обвинение сразу по трем статьям царского свода законов: я был привлечен за порнографию, кощунство, покушение на ниспровержение существующего строя. В марте 1917 г. я должен был привлекаться к суду.³⁹ Писал я тогда в течение одного месяца. Горький сказал, что плохо. После этого, подобно Горькому, я пошел «в люди». «В люди» было для меня Красной армией, Чека, советскими учреждениями, в одном из кото-

рых, между прочим, я работал одно время с Жигой,⁴⁰ который мне первому показывал свои стихи, которые он тогда писал. В 1920 г. тов. Симмен был заведующим в Госиздате в Одессе, и я работал с ним в качестве заведующего редакционно-издательским отделом. После 7-летнего перерыва, в течение шести месяцев печатались мои вещи.

Предложенный Бабелем отчет нуждается в ряде существенных дополнений. Так, Бабель умолчал о своем сотрудничестве в горьковской газете «Новая жизнь» вплоть до ее закрытия в середине 1918 года.⁴¹ Обошел он молчанием и тот факт, что его очерки и рассказы регулярно публиковались в провинциальной периодической печати⁴² до того, как в конце 1923-начале 1924 г. начали появляться его первые публикации в *Лефе* и *Красной нови*.

Характерно, что Бабель настойчиво отрешивается от закрепившегося за ним звания попутчика,⁴³ который в конце двадцатых годов противопоставлялся званию «пролетарский».⁴⁴ Бабель подменяет его термином советский писатель. В этом обращении к эпитету *советский* Бабель, как кажется, опережает ход событий, ибо термин «советская литература» (в отличие от революционной или пролетарской) получает официальную санкцию лишь только после разгрома РАППа в апреле 1932 года. Не ставя под сомнение дальновидность Бабея, отмечу, что такое самоопределение было вполне естественным для политически лояльного писателя из Советского Союза, подолгу жившего за границей и завоевавшего там славу. Так, термин «советский», первоначально делившее население СССР на «контр» и лояльных по отношению к большевистскому правительству («талант — советский» у Фурманова о Бабеле),⁴⁵ переходит в широкое понятие всеобщего советского гражданства, которое делило мир на живущих в СССР и всех остальных. Русская литература и литературная общественность сыграли в этом процессе формирования советского гражданства и вместе с ним советского национального самосознания далеко не последнюю роль.⁴⁶ Напомню только, что внутренние паспорта были введены в конце 1932 г., вскоре после разгрома РАППа и основания Союза советских писателей.

Прибегая к излюбленному автором «Конармии» классу сравнений, можно сказать, что Бабель выступил перед ФОСПом в роли писателя, беременного будущей советской литературой и чающего в скором времени разрешиться здоровым розовощеким ребенком.⁴⁷ Ясенскому в таком повествовании Бабель уготовил роль драчуна на манер бандита Савки Буциса из Одесских рассказов, который, опоздав на налет, переусердствовал и застрелил невинного банковского клерка, за что впоследствии и сам поплатился жизнью. Усердие Ясенского-Савки, как Бабель дал понять синедриону ФОСПа, могли повредить детищу новой советской литературы пока еще вынашиваемому в утробе писателя. Сходное повествование Бабель выстроил в своей речи на Первом съезде писателей, когда говорил о преимуществе социального заказа писателю при социализме перед социальным заказом на Западе. В отличие от капиталистического мира, иронизировал Бабель, власть поддерживающие в Советском Союзе окружают автора теплотой и заботой: «интересуются — а он кролик или слониха, что у него там в утробе, причем, и не очень эту утробу толкают, — маленько, но не очень <смех, аплодисменты>, и не очень допытываются, какой будет младенец: шатен или брюнет, и что он будет говорить и прочее.»⁴⁸

Выступление Бабея перед Секретариатом ФОСПа, очевидно, основывалось на сближении своей творческой биографии с современной советской историей. Так, популярность литератора-попутчика, автора *Конармии* и *Одесских рассказов* отождествлялась с периодом НЭПа. Недаром, говоря о своем материальном достатке в середине 1920-х годов, Бабель прибегает к таким расхожим *мещанским* словечкам, как «тысячи рублей», «гонорар», «квартира», «красная мебель», «рента». Напротив, свой новый литературный подвиг, который он готовил в аскетическом молчании и нищете — подвиг создания новой, *советской* книги и по стилю, и по «низовой» тематике (коллективизация?), — должен был перекликаться с «великим переломом» и «генеральной линией партии». Таким образом, в рамках созданной Бабелем автобиографической иллюзии, писатель шагал в авангарде мобилизованной советской литературы и только

из скромности и требовательности к себе скрывал от публики свой выход на передние рубежи:

Потом я перестал писать потому, что все то, что мной было написано раньше, мне разонравилось. Я не могу больше писать так, как раньше, ни одной строчки, и мне жаль, что С. М. Буденный не догадался обратиться ко мне в свое время за союзом против моей «Конармии», ибо «Конармия» мне не нравится. За все эти годы я проделал большой путь: от Архангельска до Батума. Я много в жизни не уважаю, но *советскую литературу* [здесь и далее курсив мой, Г.Ф.] уважаю превыше всего.

У меня в то время была квартира, были тысяча-две рублей гонорар в месяц, был почет, я имел возможность заказывать себе «красную мебель». Почему мне понадобилось уйти от всего этого, бросить проверенный метод, знание того, с чего нужно начать в художественном произведении, чем нужно кончить, где нужно вставить поострее слово — т.е., была готовая рента лет на десять? Отказ от всего этого я рассматриваю как свою величайшую заслугу и следствие правильного отношения к *советской литературе*. Последние два года я живу «внизу», в деревне, в колхозах, стараюсь смотреть на жизнь изнутри.⁴⁹ Я не говорил этого раньше потому, что считал, что надо сначала написать книгу, сказать это через книгу. Может быть, в наше время так поступать нельзя.

Не обошел Бабель стороной и, как тогда выражались, «хвостизм» своих собратьев по перу из рядов попутнической литературы:

Недавно я почувствовал, что мне опять хорошо писать. Я давно уже понял, что приближается смерть попутнической литературы. Она производит жалчайшее впечатление, представляет собой чудовищный диссонанс с темпами нашей большевистской эпохи. Прошли тягчайшие для меня годы. Я искал новый язык, новый образ, соответствующий *ведущей роли советской литературы*. Я действовал, как *один из немногих ее фанатиков*. Медвежьи углы подсказывали мне новый ритм. За последний год — усиленной работы — я видел, как заблудились между трех сосен мои товарищи, которые не остановились в своем ежедневном беге.

«И вдруг», — Бабель придал своим словам эффект мелодраматической развязки, —

когда я вновь полон жажды работы, меня встречает статья Ясенского, говорящая о моем пребывании за границей, где меня на собственной улице избивали пьяные офицеры [...]

Недавно я был с триумфом отправлен от фининспектора, ибо оказался единственным писателем в СССР, не обложенным подоходным налогом. Все мое состояние — полтора чемодана и долг ГИЗ'у.

Итак, критики Бабеля серьезно просчитались, поставив *своего* писателя в один ряд, если воспользоваться тогдашней классификацией, с «кулацким элементом», когда на самом деле он был самый что ни на есть «бедняк». Бабель заключил свою речь:

Я еще раз повторяю, я думал, что весь этот разговор я поведу через три месяца, через мою книгу.⁵⁰

Трудно с уверенностью сказать, какую именно книгу Бабель имел в виду, когда он защищал себя перед трибуналом. Это могла быть или книга о социалистической перековке одесского жулика, «Коля Топуз»,⁵¹ или упомянутая в дневниках Фурманова книга о чекистах,⁵² или сохранившаяся в черновой, неполной рукописи повесть «Еврейка»,⁵³ или объявленная *Новым миром* книга о коллективизации, «Великая Криница», «первая глава» из которой, под названием «Гапа Гужва» была опубликована в десятом номере журнала за 1931 г.⁵⁴ Нельзя, впрочем, исключить, что функция такой *советской* книги была уготована целому циклу рассказов о главном герое *Конармии* интеллигенте Кирилле Лютове — циклу, созданному на манер автобиографических трилогий Толстого и Горького. В этот цикл могли бы войти псевдоавтобиографические рассказы о детстве, такие как «Первая любовь» (в том числе датированный 1930 г. рассказ «В подвале»), опубликованный с подзаголовком «Из книги *История моей голубятни*»), рассказы о молодых годах Лютова, т.е., *Конармия*, а увенчаться этот готовящийся «советский» цикл должен был рассказами именно о *советской* зрелости Лютова (возможно, участника коллективизации).⁵⁵ Ни одна из этих возможных книг, как известно, опубликована не была. Однако, ряд публикаций с многообещающими подзаголовками, как, на-

пример, напечатанный в *Новом мире* рассказ «Гапа Гужва (глава из книги *Великая криница*)», помогли Бабелю восстановить свою репутацию. И все же эпитета «новая» в том смысле, в каком хотелось Бабелю, проза эта в критике не заслужила.⁵⁶

О том, что самозащита Бабеля выглядела недостаточно убедительной, свидетельствует следующая запись в дневнике В.П. Полонского:

Не так давно в какой-то польской газете какой-то корреспондент опубликовал свою беседу с Бабелем — где-то на Ривьере. Из этой беседы явствовало, что Бабель настроен далеко не попутнически.

Бабель протестовал. Мимоходом заметил в Литгазете, что живет он в деревне, наблюдает рождение колхозов и что писать теперь надо не так, как пишут все, в том числе не так, как писал он. Надо писать по-особенному — и вот он в ближайшее время напишет, прославит колхозы и социализм и так далее. Письмо сделало свое дело — он везде заключил договора, получил в ГИЗе деньги — и «смылся». Живет где-то под Москвой, в Жаворонках, на конном заводе, изучая коней [...]⁵⁷

Полонский заключил эту запись утверждением о чуждости Бабеля, которое я процитировал выше.

При такой оценке, по-видимому достаточно распространенной, ни о какой новой заграничной поездке, не могло быть и речи. А о разрешении на выезд Бабель начал хлопотать еще в мае 1929 г., вселяя в родных надежду, что в конце августа того же года он непременно прибудет в Париж.⁵⁸ Камнем преткновения (особенно после исповеди перед Секретариатом ФОСП) служила баснословная щепетильность Бабеля-писателя, который мог подолгу колебаться, выпускать или не выпускать из рук много раз переписанный рассказ. Не могло не сказаться и усиление цензурного гнета, в частности, новой нетерпимости в еще недавно открыто обсуждавшихся вопросах пола. А такая суровость противоречила стилевому и тематическому раблезианству бабелевской прозы. Полонский записывает в своем дневнике 1931 г.:

Несколько дней назад [Бабель] дал три рукописи — все три насквозь эротичны. Печатать невозможно. Это значило бы

угробить его репутацию как попутчика. Молчать восемь лет и ахнуть букетом насыщено эротических вещей — это ли долг попутчика? Но вещи замечательные. [...] Он дал рукописи, чтобы успокоить бухгалтерию. Обещает в августе дать еще несколько вещей, которые вместе можно будет пропустить в журнале. Но даст ли? Станный человек: вещи замечательные, но он печатать их сейчас не хочет. Он действительно дрожит над своими рукописями. Волнуется. [...]

Вчера заходил Бабель, принес читать новый рассказ [...] Просто, коротко, сжато — сильно. Деревня его, так же как и Конармия, — кровь, слезы, сперма. Его постоянный материал. Мужики, сельсоветчики и кулаки, кретины, уроды, дегенераты. Читал еще один рассказ о расстреле — страшной силы.⁵⁹

Исповедь перед правлением ФОСП, если она и помогла Бабелю восстановить свою репутацию лояльного писателя, не могла не повлечь за собой усиленное давление на него как на «писателя-авансиста». Политический вексель подлежал уплате в самый кратчайший срок, и Бабель с головой уходит в работу, живя фактически безвыездно в Молоденове — деревне, весьма отдаленной от почты и телефона, а, следовательно, и от журнальных кредиторов. Поездка за границу к жене и дочери, которую Бабель еще не видел, откладывается на неопределенный срок. В такой ситуации, как он пишет родным, даже хлопоты могут быть расценены как «дезертирство», и поэтому он предлагает жене оставить ребенка с одной из бабушек на два-три месяца и приехать на это время к нему в Советский Союз.⁶⁰ В тот момент такая игра в заложники представлялась наиболее перспективным ходом для получения разрешения на выезд, но плану этому не суждено было осуществиться. В феврале 1931 года Бабель едет на Украину по «колхозным делам» и одновременно по делам, связанным с киевской киностудией, заезжает в Одессу, а в апреле опять возвращается в Молоденovo. Разрешение на выезд можно будет получить только за счет выплаты долга советской литературе. Едва завалированные ссылки на это условие воссоединения с семьей то и дело проскальзывают в письмах к родным.⁶¹ В мае Бабель возобновляет контакт с Горьким,⁶² а начиная с июля 1931 г., на фоне обострения кампании против РАПП,⁶³ снова выходит в боль-

шую печать. С июля 1931 и по июнь 1932 г. в *Молодой гвардии*, *Новом мире*, в журнале 30 дней появился целый ряд его рассказов.⁶⁴ Бабелю удалось восстановить свой литературный и политический кредит, очевидно, не без содействия Горького. 17 августа 1932 г. *Литературная газета* сообщает, что Оргкомитет Всесоюзного союза советских писателей назначил в ряду других писателей И. Э. Бабеля в «лендер-комиссии Международного объединения революционных писателей»⁶⁵, а уже 3 сентября 1932 г., как бы в награду за усердие он получает заграничный паспорт (в этот день он впервые встретился с Антониной Пирожковой, которая впоследствии станет спутницей последних лет писателя⁶⁶). Через несколько дней Бабель отправляется во Францию, по дороге заезжая в Берлин и к матери и сестре в Бельгию, и уже 19 сентября шлет родным открытку со взморья, куда он отправился отдохнуть с дочерью и женой.⁶⁷

В СССР Бабель вернулся фактически через год — в конце августа 1933 г. и, между прочим, не ранее того, как убедился в неперспективности своей работы во французском кино.⁶⁸ Он отчаялся заработать на жизнь во Франции писательским трудом, о чем с горечью, но и не без гордости заявил с трибуны Первого Съезда советских писателей:

Надо сказать прямо, что в любой уважающей себя буржуазной стране я бы давно подох с голоду, и никакому издателю не было бы дела до того, как говорит Эренбург, кролик я или слониха. Произвел бы меня этот издатель, скажем в зайцы и в этом качестве заставил бы меня прыгать, а не стал бы — меня заставили бы продавать галантерею.

Находясь за рубежом, он выделяет похвальные отзывы о себе в советской прессе, а как писатель, близкий Горькому и высоко им ценимый, попадает в совершенно особый ряд советских литературных фигур.⁶⁹ Однако склоняли Бабеля к возвращению в СССР не только писательская гордость и не только то, что принято называть соображениями сугубо личного порядка, а именно, его знакомство с Антониной Пирожковой.⁷⁰ Главным

фактором, по-видимому, было его «серьезное отношение» к советской литературе, в частности, его дружба с Горьким, к которому Бабель испытывал искреннюю привязанность и защита которого сыграла немалую роль в его литературной судьбе,⁷¹ да и в житейском обустройстве. Создавалась возможность жить, подобно Горькому, как бы «на два дома» и регулярно курсировать между Парижем и Москвой. В письме близким из Парижа в Брюссель 10 июля Бабель объясняет свое решение в скором времени вернуться в Москву необходимостью повидаться с Горьким именно там (до предполагавшегося отъезда последнего в Сорренто в августе), чтобы на месте заручиться привилегией и впредь беспрепятственно выезжать из СССР.⁷²

Бабель, который в мае закончил пьесу «Мария» и передал Горькому для готовящегося альманаха *Год шестнадцатый* три новых рассказа,⁷³ дорожил своей репутацией лояльного советского писателя. Отдавал Бабель себе отчет и в том, как он был нужен Горькому в той напряженной борьбе, которую его щедрый и могущественный патрон вел в Москве за новую политику в области культуры. Удрученный и обеспокоенный, в отличие от большинства советской политической элиты,⁷⁴ победой Гитлера на выборах в апреле 1933 г., Горький, как это показал в своей книге Л. Флейшман,⁷⁵ принимал в то время самое активное участие в перестройке писательской организации на новых началах и в преобразовании программы готовящегося съезда писателей в международный праздник советских национальных литератур. На *таком* празднике *такому* советскому писателю с мировым именем, как Бабель, была уготована не последняя роль. Перечить воле Горького в этой ситуации означало бы отплатить за многие щедроты самой черной неблагодарностью, а это, в свою очередь, привело бы к разрыву, на что Бабель, при его ненадежном положении в литературном мире как России, так и Франции, решиться не мог.

Разговоры о возвращении Бабеля в Москву велись между ним и Горьким еще в мае 1933 г.,⁷⁶ перед тем, как сам Горький вернулся в СССР (19 мая). 8 мая Бабель выезжает из Сорренто в Париж, останавливаясь по дороге в Риме и во Флоренции,

отчасти, надо полагать, собирая материал для заказанного Горьким очерка о своем путешествии по Европе. Какое очерка ждал Горький от Бабеля, можно судить по статье самого Горького «Воспитание правдой». В ней Горький поет отходную демократической форме правления и либерализму, а «буржуазной якобы 'гуманитарной' культуре» противопоставляет действительно гуманную воспитательную и просветительскую мощь ОГПУ.⁷⁷ В Париж Бабель возвращается лишь 28 мая.⁷⁸ Судя по письмам, Бабель собирался быть в Москве и в июне, но плану этому, очевидно, помешали его обязательства перед парижской киностудией, где он работал над сценарием фильма «Азеф»,⁷⁹ а возможно, и желание оттянуть разлуку с дочерью и женой.⁸⁰ Тем временем, давление из Москвы возрастало, первоначально лишь в форме «привлекательных предложений»,⁸¹ а в дальнейшем — в форме зловещих слухов о «невозвращенстве», о чем ему сообщали московские друзья, в том числе Антонина Николаевна Пирожкова. Обеспокоенная слухами, она обратилась к Бабелю с просьбой либо эти слухи подтвердить, либо опровергнуть. Ответ Бабеля остался у нее в памяти: «Что могут Вам, знающей все, сказать люди, не знающие ничего?»⁸² И все же Бабель медлил. Судя по его письму от 10 июля 1933 г., адресованному матери и сестре,⁸³ дата отъезда все еще оставалась неопределенной. Возвратился Бабель в самом конце августа 1933 года. 1-го сентября он сообщил родным в Бельгии о своем благополучном прибытии в Москву и, намекая на распространявшиеся о нем «зловещие слухи», с макароническим вздохом заключил: «Es war höchste Zeit мне вернуться».⁸⁴

* * *

В Москве Бабель тотчас же включается в предсъездовскую работу и привлекается к кампании по ознакомлению советских писателей с фашистской угрозой за пределами СССР.⁸⁵ 11 сентября была организована встреча Бабеля с группой писателей, с которыми он, если следовать названию сохранившейся в ИМЛИ стенограммы, поделился своими «Впечатлениями от по-

ездки по Европе».⁸⁶ Через несколько дней в *Вечерней Москве* (16 сентября) появляется небольшая заметка «На Западе», основанная на этом выступлении.⁸⁷ Однако, в отличие от крайне сжатой газетной публикации, в которой акценты расставлялись по советскому обличительному трафарету, стенограмма выступления богата нюансами и сохранила отчетливые следы сложной реакции Бабеля на положение в Европе — следы едва заметные полагавшимися в той аудитории официозными оговорками. Знаменательно, что *Литературная газета*, которая обычно с щедростью предоставляла свои страницы для подобного рода «путевых впечатлений»,⁸⁸ на этот раз обошлась лишь небольшим сообщением о докладе Бабеля, хотя и поместила его под значительным по размерам (что должно было соответствовать неофициальному рангу) дружеским шаржем писателя.⁸⁹ Сейчас трудно определить, почему она обошла доклад Бабеля стороной, но среди возможных причин могло быть обилие материалов о литературной жизни во Франции в газете за время отсутствия Бабеля, во многом дублировавших его «Впечатления» об этой стране. Так, например, Бабель говорит о Луи-Фердинанде Селине как о величине, неизвестной его аудитории, в то время, как журнал *Интернациональная литература* в 4-м номере за 1933 г. начал публиковать его *Путешествие на край ночи*, — событие в культурной жизни года, на которое *Литературная газета* в конце августа откликнулась большой статьей.⁹⁰ Что же касается «обращения» Андре Жида в коммунизм,⁹¹ то об этой сенсации читатели *Литературной газеты* были осведомлены не хуже Бабеля.⁹² Можно также предположить, что Бабель, по неизвестным нам причинам, не пожелал отредактировать стенограмму должным образом, а о том, чтобы публиковать ее в сыром виде, как явствует из самого текста, нельзя было и мечтать.

* * *

Более всего поражает в стенограмме «Впечатлений» тон докладчика. Бабель надевает маску обывателя, оказавшегося в двусмысленном положении — не то свидетеля преступления, не

то сподручного обвиняемого, который явно не желает вмешиваться в мировую и какую бы то ни было другую политику. Не исключено, что Бабель, выступающий за границу как гражданин мира и советский писатель, а на родине предпочитающий роль молоденовского затворника, был вовлечен в это политпросветительское мероприятие не по своей воле. Либо из свойственного ему духа противоречия,⁹³ либо из нежелания останавливаться на «еврейском вопросе», либо действительно из-за недостаточной осведомленности, а быть может, и, наоборот, из-за особой осведомленности о советско-германских отношениях,⁹⁴ Бабель лишь мимоходом коснулся Германии, отослав собравшихся к репортажам о немецком фашизме в советских газетах.

Но зато он подробно остановился на Италии — стране с «чрезвычайно интересным фашизмом», — т.е. с фашизмом, если раскрыть смысл эпитета «интересный», у которого Советскому Союзу было чему поучиться, и тем более потому, что, *il Duce*, как заметил запомнившийся Бабелю итальянский аристократ, «своим способом, по секрету от всех проводит коммунистическую политику». Сходство большевизма и фашизма⁹⁵ поражает писателя-путешественника, который с простодушной гордостью советского гражданина 1933 г. заявляет, что митинги и манифестации итальянских фашистов имеют своим источником парады советских комсомольцев.⁹⁶ Бросающийся в глаза эстетизм массовых политических действий⁹⁷ и отменный общественный порядок, передовая техника, измеряемая скоростью локомотивов и парадами авиации, и, конечно же, социальный прогресс, нашедший свое выражение в спортивных рекордах и исчезновении нищих с городских площадей, скорее сочетались с заманчивыми горизонтами первой пятилетки, чем с «предсмертной судорогой буржуазии, именуемой 'фашизм'» (Горький).⁹⁸

То, что Бабель говорит о культе вождя итальянского фашизма Муссолини, которого Ганди величал не иначе, как «сверхчеловеком», а Черчилль — «человеческим воплощением гения»,⁹⁹ — не могло не навести на мысль о сходстве между *il Duce* и Сталиным, этим «человеком железной воли» (Горь-

кий¹⁰⁰), «энергичной и железной фигурой», как Николай Бухарин назвал его в своей покаянной речи в январе 1933 г.¹⁰¹ А сходство такого рода беспокоило современников, в том числе и Горького, который в своем «Докладе о советской литературе» на Съезде писателей уделил особое внимание «существенному различию» между буржуазным «вождизмом» и советским «руководством», а позже выступил с едва завуалированной критикой культа Сталина.¹⁰²

Подмеченный Бабелем элемент эротизма в отношении между Муссолини и толпой (характерный для фашизма культ вирильности) интересным образом переключается с аналогичным элементом в культе советских вождей, и прежде всего одного вождя, по отношению к которому Бабель, вслед за Горьким, позволил себе рискованную иронию в своем выступлении на Первом съезде писателей. Напомню его слова:

Невыносимо громко говорят у нас о любви. Товарищи, на месте женщин я бы впал в панику: если так будет продолжаться, им перебьют все барабанные перепонки. Если так будет продолжаться, у нас скоро будут объясняться в любви через рупор, как судьи на футбольных матчах. И ведь дошло уже до того, что объекты любви начинают протестовать, вот как Горький вчера.¹⁰³

При таких совпадениях не только аристократы-итальянцы, но и советские писатели легко могли поверить, что Муссолини, «без тех трудностей, через которые мы должны проходить, без резких толчков, гладко ведет страну к своеобразному коммунизму». Небезынтересно будет здесь отметить впечатления итальянских путешественников о советской России начала 1930-х годов, которых увиденное также натолкнуло на соответствующие аналогии.¹⁰⁴ Такой наблюдатель, как П. Вита-Финци, автор тома *Grandezza e servitu bolsheviche* (Roma, 1934), вспоминает, как поездка его в СССР помогла ему до некоторой степени смириться с «ограничениями общественного мнения, монотонностью печати и театральностью манифестаций» при итальянском фашизме, ибо, как он убедился на советском примере, тоталитаризм Муссолини требовал «куда меньше человеческих жертв» и приносил «куда меньше бытовых неприятностей», чем

«аналогичная программа», осуществляемая в Советском Союзе.¹⁰⁵

Бабель, конечно, не обошелся без обычных пропагандных общих мест о «трагическом впечатлении», производимом многочисленностью одетых в форму итальянцев или о том, что «нынешнее поколение отдано на растерзание католицизму». Расхожий стиль этих формулировок противоречит сложности сопоставлений и ассоциаций, таких, как, например, связь наблюдений по поводу государственного культа Муссолини с поразительным вниманием со стороны правительства к археологическим древностям, в частности к раскопкам в Помпее. В этом соединении национального исторического наследия с новейшим политическим мифом *il Duce* и фашистской Италии можно увидеть отличительную черту, если воспользоваться предложенным Муссолини термином, «тоталитарного режима»,¹⁰⁶ причем черту, которая к тому времени стала неотъемлемой частью социализма в одной стране.¹⁰⁷ Слова о постоянном «наркотическом вспрыскивании», которому Муссолини и его обширный, хорошо отработанный пропагандистский аппарат¹⁰⁸ ежедневно подвергает население Италии, показывает, что Бабель обладал редкой для современников проницательностью и испытывал еще более редкое отвращение к самому эффективному оружию тоталитаризма — массивной идеологической обработке общественного сознания и мифологизации государства. В этом, как известно, с ним расходился его покровитель, отец социалистического реализма Максим Горький.¹⁰⁹

Привожу текст Бабелевских «впечатлений об Италии»:

Дорогие [...]

В народном суде один свидетель говорит: «Я по этому делу ничего не знаю, но на вопросы отвечать могу». Также и я. Я - не политик, но невооруженным взглядом человека, путешествуя по Европе, развал и распадение старого мира видел. Ничего кроме этого не видел. Был я в трех странах: Италии, Германии и Франции. В Германии я был очень мало времени и кроме того, что известно всем по газетам, ничего не знаю. Знаю только несколько очень страшных анекдотов. Например, евреям запрещено доставлять почту на дом, и между шестью и восемью часами они должны

ходить за почтой в определенные места. Но чрезвычайно интересен фашизм в Италии. Он достоин внимания.

Я разговаривал с туристами, которые приезжали в Италию и которые не бывали в ней десять-двенадцать лет. Внешне перерождение громадное: железные дороги самые лучшие в Европе, нищета меньше, улицы чистые, обсажены деревьями. Они делают опыты по электрификации железных дорог. Там есть и наши инженеры. Их опыту можно поучиться. По альпийскому участку поезда уже ходят со скоростью до 100 км. в час. Там очень тяжелый профиль.

Своими достижениями они хвастаются на каждом шагу. Вообще в мире нет сейчас другого правительства, которое бы хвасталось так, как итальянское. Муссолини изображен у них во всех видах. Во время сбора урожая косит, жнет.¹¹⁰ Археологические работы ведутся у них лучше, чем раньше, особенно в Помпее. Новые раскопки ведутся по научным методам, причем все вещи, которые находят, остаются в тех же домах.

Вообще все производит необыкновенно странное впечатление. Человек как будто бы все время находится под наркозом. Этот наркоз ежедневно с большим умением вспрыскивается Муссолини. Коммунисты у них загнаны в подполье. Встреча с ними чрезвычайно затруднена. Все разговоры там — в чрезвычайно безобидной итальянской обстановке — сводятся к одному — к Муссолини. Один разговор с социал-демократом никогда не забуду. Основной вопрос там — здоровье Муссолини. Один социал-демократ с сокрушением мне говорит, что брат Муссолини, после смерти которого оказалось, что он был мошенником, умер от апоплексического удара.¹¹¹ И вот теперь боятся, что Муссолини тоже этим кончит.

Этот человек наполняет собой политическую и общественную жизнь целиком. Выставки построены, если не по его рисункам, то он во всяком случае одобрил эти рисунки. Одному журналисту, который попробовал попенять на Муссолини, что у него нет программы фашистской партии, Муссолини ответил: «Программа партии устанавливается мной ежедневно после прочтения утренних телеграмм и остается в силе до получения вечерних.» Так итальянцы узнают расписание своей жизни на этот день.

Причем этот человек в буржуазных и мелко-буржуазных кругах, и у ручных своих противников пользуется несомненным уважением. Бесперывно идут разговоры об искусстве управления. Причем, он дает бесконечные интервью на эту тему. Для нас звучит страшным анахронизмом бесперывное его сопоставление народа с женщи-

нами. Он говорит: «Вожди должны быть мужчинами, а толпа остается женщиной, впечатлительной, падкой на красивые зрелища.»¹¹² Из этих интервью следует, что в Италии остался один мужчина — Муссолини, да еще Бальбо,¹¹³ кандидат в мужчины.

Не говоря о бесконечных фотографиях Муссолини, о показе его в кино, там беспрерывно вспрыскивается какой-то возбуждательный препарат. В Италии страшно развит спорт, беспрерывные чествования национальных героев, и результаты за эти десять лет достигнуты большие. Никто не может себе представить себе празднеств в честь Карнеро, когда он получил там первенство по боксу. Париж наводнен итальянскими чемпионами. Сейчас у них лучшие футболисты, лучшие велосипедисты. Они хороши в теннисе. Если взять итальянскую газету на восьми страницах, то четыре в ней посвящены спорту. Причем, все эти спортивные демонстрации устраиваются с необыкновенным блеском.

На новом стадионе во Флоренции в день объявления войны¹¹⁴ устроен парад. Демонстрация была скопирована с наших пионерских и комсомольских демонстраций.¹¹⁵ Шестьдесят тысяч детей и юношей дефилировали под солнцем. Все это зрелище в смысле красоты незабываемое. Незабываемы все собрания в Венеции. Мне пришлось слышать на них речи Муссолини. Он вначале делает позы, подготавливается. Он — актер старой школы дипломатии. Он говорит: «Рим — это центр мира, Пьяцца Венеции — это центр мира. Ваши подошвы попирают самую священную землю, которую только знает мир.»

Рассказывают, что у себя в кабинете — а кабинет у него словно дом и когда входит человек, его не видно, причем надо десять минут идти до него — у него на столе только книжка Маккиавелли. У себя в кабинете он отпускает штучки, принимает журналистов и начинает излюбленную теорию о толпе и гении.¹¹⁶ Вся эта совокупность внешнего успеха создала в мелкой буржуазии характер какого-то психоза. У итальянцев, мелких лавочников, которые стоят на пороге своих лавчонок и ждут покупателей, которых нет, все построено на фикции. Они с некоторым недоумением спрашивают: «Неужели все это правда происходит?» Ему ежедневно в газетах говорится, что он — первая нация в мире. Он не верит. Десять-двенадцать лет тому назад они действительно погибали. Слово революция Муссолини совершенно необходимо. Не нужно никакой статистики о том, что население приведено к такому состоянию, что и дальше идти нельзя. Старые улицы Неаполя кишат карликовым племенем, зобатыми, тучными, низкими. Теперь

все это подчищено. Эти люди с удивлением смотрят на парады: при том, все, что происходит, как-то убеждает их, что все в порядке.

На поклон к Муссолини приезжают министры. Авиация, гидроавиация в Италии считается лучшей в мире. Надавно с Бальбо произошел грандиозный скандал. Французы на своих истребителях вылетели навстречу Бальбо. Французы минут десять продержались с ним рядом, а потом потеряли его из виду. Бальбо с триумфом проводили вокруг Капитолия, венчали его венками.¹¹⁷ В газетах пишут, что Муссолини — суперарбитр своего мира. После этого итальянцы обращаются к своему обиходу, где нет никакого будущего. И вот в таком призрачном состоянии живет итальянская мелкая буржуазия.

Я раз случайно разговорился с одним итальянским аристократом. Аристократия в Италии восстановлена против Муссолини, так как им был издан приказ, что большие земли остаются за владельцем только в том случае, если он их сам обрабатывает. И вот такие люди уверены, что Муссолини своим способом, по секрету от всех проводит коммунистическую политику, так как единственное место, куда он ходит — это советское посольство. Первый из всех он завел Департамент по советским делам. Он — единственный из всех европейцев знает советские дела.¹¹⁸ И вот они верят, что без тех трудностей, через которые мы должны проходить, без резких толчков, он гладко ведет страну к своеобразному коммунизму.

Опровержений не нужно искать — они на улицах. Итальянские улицы производят трагическое впечатление. Одна треть нации одета в формы. Маршируют все. Это все гремит в трубы, впереди всадники, во всем этом участвует солнце.

Нынешнее поколение в Италии отдано на растерзание католицизму.¹¹⁹ В Неаполе, у социал-демократа, человека безбожного и очень радикального, все дети находятся в монастырях и иезуитских школах, так как там обучение бесплатное. Что такое иезуиты — это видно только в Риме. Это — необыкновенно мощная и большой гибкости организация, и до сих пор. Муссолини с большим искусством пользуется услугами католицизма. Достаточно пойти на фашистскую выставку в Риме.¹²⁰ Не пойти туда невозможно потому, что итальянцы дают всем туристам, посетившим выставку, 70% скидки на железнодорожные билеты. Весь фашизм, все судороги его — все вот на этой выставке. В одном зале есть за стеклом коммунистические знамена, портреты Ленина. И вот постепенно вы идете из одного зала в другой и начинаете задыхаться. Все надписи

там истерически кратки. Кончаете вы залом, где совершенно темно, но зато звучит тихая музыка. [На] музыкальные голоса отвечают презенты. У фашистов есть вообще такой обычай, что если товарищ убит или вообще отсутствует, то за него отвечают презенты. Для нас все это совершенно непостижимо, истерично.

* * *

Картина Франции — страны, которую Бабель неплохо знал и понимал, — сложнее и противоречивей: роскошь, точность и вместе с тем политическая неустойчивость и поляризация, страх перед Германией, а в литературе — характерное мрачное виденье Луи-Фердинанда Селина. Особое внимание Бабель уделяет тяжелому быту известных писателей-эмигрантов. Вопрос этот не мог не интересовать его советских коллег, многие из которых годами испытывали острейшую нужду и возлагали надежду на улучшение своего быта на новый Союз советских писателей.¹²¹ Трудно определить степень искренности, с какой Бабель нарисовал картину русской литературы в эмиграции, хотя и здесь, при всем ритуальном сгущении темных красок, обращает на себя внимание нескрываемое восхищение перед искусством Владимира Набокова. Не исключено, что Бабель мог присутствовать на публичном чтении Набокова в Париже в ноябре 1932 г., когда автор *Защиты Лужина*, опубликованной в *Современных записках* в 1930 г., пожинал плоды своей первой славы.¹²² Хотя и достаточно рискованная, похвала эта мастерству эмигрантского автора соответствовала горьковской линии в литературной политике, а именно установке на повышение качества продукции советских авторов, их учебы у политически не совсем благонадежных мастеров и классиков,¹²³ — учебы, которая могла послужить и укреплению национальных корней социализма в одной, сдавленной кольцом «капиталистического окружения», стране.

Исключение, которое Бабель сделал для Владимира Набокова, вписывалось также и в достаточно справедливо очерченную картину конфликта между «отцами» и «детьми» эмиграции (а Набоков принадлежал к последним), который особенно обострился в русском обществе во Франции к началу 1930-х

годов.¹²⁴ Известен и интерес, который советские тайные службы проявляли к политическим организациям «детей» в надежде трансформировать их в перевалочные пункты для возвращения эмиграции.¹²⁵ А тот факт, что упоминание Бабелем Набокова как достойного серьезного внимания писателя русского зарубежья (в отличие от «исписавшихся» стариков, Бунина, Куприна и «вечного» Мережковского) попало в краткий пересказ выступления, опубликованный в *Вечерней Москве*, позволяет с уверенностью предположить, что игра на антагонизме поколений была частью официальной политики в отношении к русской эмиграции.

И все же, лейтмотив впечатлений Бабеля от жизни русских писателей во Франции — это именно культурная изолированность русских, их малая причастность большой европейской культуре¹²⁶ — и французской, и советской. Досталось от Бабеля также и советским писателям. По словам Бабеля, французам, этих законодателей европейской культуры, «интересует Советская Россия и мало интересует советское искусство», а пишут они «здорово» — в отличие от их советских коллег.¹²⁷ В этом подчеркивании периферийности русской зарубежной и даже русской советской литературы в культурном центре Европы слышится напоминающее Гоббса (Hobbs) признание невозможности существования литературы вне рамок национального государства. Как для Гоббса жизнь русского писателя в отрыве от левиафана Советской России была «одиноким, бедным, мерзкой, жестокой и быстротечной».¹²⁸ В такой характерной для своего времени концепции литературы следует, как я полагаю, искать одну из главных причин возвращения Бабеля в СССР как в 1933 г., так и в 1935 г., когда он выехал во Францию для участия в Антифашистском конгрессе защитников культуры. Эта гоббсианская «социология» литературы, которую исповедовал Бабель, должна была казаться особенно здоровой на фоне выхода СССР на арену большой дипломатии — процесс, который сопровождался усилением официальных нападок на русское зарубежье. Известно, что как подготовка франко-советского договора 1933 г., о котором упоминает Бабель, так и участие

СССР в Лиге наций вызывали в эмигрантских кругах серьезные опасения, что общественная деятельность русской эмиграции во Франции может быть объявлена вне закона.¹²⁹

Но коль скоро литература была делом государственной важности, управление литературой требовало политической смекалки и дальновидности, умения взвесить последствия действий не только внутри страны, но и за рубежом. Так, я думаю, следует толковать слова Бабеля об отталкивающем впечатлении, которое производили на французскую интеллигенцию «наши рывки в литературе». Здесь он, очевидно, подразумевал не только неожиданный массивный удар по РАППу в 1932 г., но и прежние кампании вроде случившейся с ним в 1930 г. истории. На фоне такого достижения советской дипломатии, как заключение франко-советского пакта о ненападении,¹³⁰ и заметного потепления в политической жизни страны,¹³¹ эта критика резких поворотов в культурной жизни шла в фарватере деятельности Горького по организации Съезда писателей на новых началах и могла служить очередным напоминанием как для писателей, так и для политического руководства, что советская литература не внеположна государству и, следовательно, должна отвечать запросам не только внутренней, но и внешней политики СССР.¹³²

Историк тоталитаризма Джордж Л. Моссе назвал одну из своих книг о нацистской Германии «Национализация масс». Процесс реорганизации писательской общественности, достигший своей кульминационной точки в основании Союза советских писателей и особенно Первого съезда Союза в 1934 г., можно по аналогии рассматривать как процесс *национализации* литературы, причем в двойном смысле. С одной стороны, русская литература как сложный общественный институт потеряла характер многоукладности и превратилась в часть системы государственных ресурсов наподобие добывающей или обрабатывающей промышленности («инженеры человеческих душ»). А как часть государственных ресурсов идеологической сферы, русская литература, традиционно связанная с русским национальным самосознанием во всем его многообразии, стала одним из главных составных элементов идеологии национализма совет-

ского сталинского государства, ибо социализм в *одной* стране — это непременно национализм.

Следовательно, выбор, стоявший перед Бабелем в 1933 г., был выбором между судьбой писателя-одиночки, — неспособного по ряду причин на свободную коммерческую эксплуатацию своего таланта в условиях эмиграции и нежелающего зарабатывать на жизнь другой профессией («продавать галантерею»), — и судьбой знаменитого писателя, причастного огромному разрастающемуся государству, национализировавшему литературу.¹³³ Глубокое разочарование в демократических институтах, свойственное европейской интеллигенции после Первой мировой войны, экономический кризис, явные успехи итальянского фашизма и, наконец, победа национал-социализма в Германии делали возвращение в СССР, при всех «рывках» и «щероховатостях», если не привлекательным, то, по крайней мере, меньшим из двух зол. Будь Бабель не писателем, а, как Роман Якобсон, человеком науки со свойственным ей интернационализмом, жизнь его могла бы сложиться по-другому. Но Бабель навсегда связал себя с литературой судьбой, и третьего выбора, как ему должно было казаться, история писателю не предоставляла.

* * *

В заключение привожу оставшуюся часть стенограммы выступления Бабеля, посвященную Франции:

Я поехал во Францию. На границе сменилась итальянская бригада. Вдали появился французский железнодорожник. Показалось, что дальше мы никуда не поедем. Но мы отлично доехали до Парижа, без опозданий. В вагоне были все люди, которым виза не нужна; мне единственному нужна была виза. Моим паспортом страшно заинтересовались итальянцы. Приходит француз, штемпелюет все паспорта и вместе со всеми — мой. Никакой реакции. Я подумал: франко-русские отношения! Я в первый раз переехал границу, не предъявляя визы.

Переход из Италии во Францию разителен, в особенности в Париже. Париж тоже помирает, но, как говорят французы,

помирает с шиком. Роскошь нынешнего города превосходит все, что было ранее видано. Этими самыми кадрами Парижа ужас зрелища гораздо смягчается. Париж — не город, а произведение из хаоса. Эмиграция там громадная. Теперь прибавилось еще шестьдесят тысяч немцев. Все они сидят на Монпарнасе, ведут себя страшно бестактно. Даже выгнали Эренбурга с его места в баре, где он сидел несколько лет.

Положение наших русских эмигрантов — ужасное. У этих людей в последние годы обнаружилась трагедия отцов и детей. Мне рассказывали об эмигрантах, которые хорошо устроились. У них подросли дети, и теперь эти дети предъявляют счета отцу: почему мы здесь? почему мы говорим по-русски? Были даже самоубийства на этой почве. Многие из подрастающего поколения русской эмиграции уезжают в Австралию и другие места. Это — самое трагичное в русской эмиграции, не говоря уже о литературе.

Я высоко уважаю Бунина. Он приехал в Париж за деньгами и с великим трудом добыл тысячу франков (это 80 рублей). Но теперь ему лучше материально потому, что немецкие богатые евреи играют в бридж и дают ему процент с каждой ставки.¹³⁴ Ремизова ночью выбросили из квартиры оттого, что он долго не платил квартирной платы. Он схватил рукописи, жену, вещи, и ночью они скитались по городу.¹³⁵

Появился новый писатель, Сири́н. Это — сын Набокова. Когда его читаешь, то чувствуешь, что в его словах только мускулы и нервы; кожи нет. Он пишет ни о чем, действие происходит нигде. Он показателен для эмиграции. Это — единственное литературное ощущение, которое я получил от эмигрантской литературы.

Париж сейчас лучше, чем когда бы то ни было. После Италии он производит явно привлекательное впечатление. Особенно приятен французский откровенный стиль. Наш посол¹³⁶ жалуется, что приемы у французов — ужасны. Французы всегда удивлялись, когда мы идем в палату депутатов. В парламенте у них страшный беспорядок, и в этом есть прелесть. Порядок в парламенте только за кулисами. Это почти — в мелко-буржуазном смысле слова — национальный порядок. Более презираемого звания, чем депутат, во Франции нет, но вся мелкая буржуазия добивается этого звания.

Париж, теперь охваченный страшной боязнью переворота, стал даже лирическим. У парижан чувствуется тревога, которая ощущается Вами постоянно. Я знаю одного очень богатого человека,

который из боязни, что все это очень скоро кончится, старается с каким-то сладострастием ощутить могущество богатого человека. Все это вырабатывает необыкновенную точность. На промежуточные действия времени отпускается очень мало. Здесь нельзя было не признать неизмеримо высший стиль.

Немцы теперь отказываются от христианства потому, что это — еврейское служение, и возвращаются к латинизму. Я писал сюда об этом,¹³⁷ и была об этом у Эренбурга необыкновенно показательная статья.¹³⁸

О Золя и Мопассане ничего не слышно. Национальные писатели там теперь — это Флобер и Бальзак. Последний был самым великим авансистом нашей планеты. В музей пришла старуха предъявлять его векселя. Она получила какое-то наследство и там были векселя Бальзака.

Появилась у них необыкновенно показательная книжка. Здесь, кажется, писали об этом.¹³⁹ Это — «Путешествие на край мира.»¹⁴⁰ Стоит выучиться французскому языку, чтобы прочитать ее. Она написана одним доктором, которому пятый десяток пошел. В книге полторы тысячи страниц. Этот доктор отнес книгу Леону Додэ, которого у нас незаслуженно не знают, и при помощи последнего эту книгу выпустили, но, конечно, ее сократили на семьсот страниц. Когда вы читаете эти семьсот страниц, у вас такое впечатление, что этот человек может написать и четыре тысячи страниц. Эта книга о его жизни. У человека скопилось такое количество злобы! В книге все изложено так злобно, что страшнее этого ничего нет. Вы читаете эти восемьсот страниц, отрываясь, потому, что это очень мучительно. Эта книга становится наводнением. Там — обвинительный акт современной цивилизации. Эта книжка выйдет в скором времени и у нас. Ее нужно лучше перевести. Книжка очень архаична. Ее анонсировал Леон Додэ.

Он — сын своего отца, роялист, французский Пуришкевич.¹⁴¹ Причем, пользуется уважением потому, что он прочно установил свою репутацию. Француз же любит знать, с кем он имеет дело. Пишет он каждый день несколько статей. Романы он пишет отвратительно, но памфлетист он великолепный. Его биография построена просто: он начинает с того дома, где он родился, и описывает все свои квартиры. Нет писателя, который бы мог оскорбить человека страшнее, чем он. Мне кажется, что его книгу надо было бы перевести потому, что он по стилю представитель Раблэ. Я пошел на его лекцию. Там собрались роялисты, аристо-

кратия, радикальная местная буржуазия. Он заставил нас слушать завещание Людовика XVI, по окончании он читал завещание Клемансо.¹⁴² Эти шесть строчек забыть невозможно. 89-летний старик написал шесть строчек завещания, где пишет: ...[отточие в стенограмме].¹⁴³

Этого Клемансо я слушал пять лет тому назад на митинге.¹⁴⁴ Ему открывали памятник в его деревне. Это было чрезвычайно трогательно. Он же с какой-то яростью воспользовался этим для политической агитации. Прочтите книгу Селина о конце Римской империи,¹⁴⁵ и вы узнаете действительно страшные вещи. Эту книгу переводит Триоле.¹⁴⁶

Французы от нашей литературы не в восторге. Пишут они здорово. Они могут написать какой-нибудь пустой разговор на двадцати листах, который вы с интересом будете читать. Мы во Франции имеем успех как советские граждане. Наши рыбки в литературе их немножко отщивают.¹⁴⁷ И там в стране, где вещи делаются хорошо, чувствуешь страшную свою ответственность. Чувствуешь, что каждая наша плохая книга, которая походит туда, — контр-пропаганда. Об этом нам надо думать, повышать качество, квалификацию. Их интересует содержание наших книг, их интересует Советская Россия, и мало интересует советское искусство. Они любят нас за факты, любят за то, что мы знаем, что делаем, чем живем. Люди там опустошены. Там роман переживает большой кризис. Они больше теперь пишут репортаж.

Там есть интересный писатель, человек, произведший на меня наибольшее впечатление — Андре Мальро, который пишет о китайской революции.¹⁴⁸ Это — один из будущих столпов французской литературы. Он пользуется в работе всеми приемами, знает все. Он переводится.¹⁴⁹

Бунина я читал только отрывки «Жизни Арсеньева.» Это — автобиографический роман.

Обращение Андре Жида¹⁵⁰ возбуждает там громадный интерес и вызвало страшное возмущение.¹⁵¹ Там власть имеющие — это люди, которые судьбы вершат. И вот эти люди быстро перевели Жида на полочку. Был организован там митинг с участием Андре Жида, почему он перешел к коммунистам.¹⁵² На этом митинге был Мережковский. Ему не дали говорить. Вайян-Кутюрье произнес речь.¹⁵³ Вся публика чуть ли не изгнала их. Это было первое публичное поражение. Этот митинг походил на митинг из Жореса. Это заседание напомнило атмосферу дела Дрейфуса.¹⁵⁴

Мережковский — кандидат на Нобелевскую премию.¹⁵⁵ Он

пишет совершенно несусветные вещи. Он отошел в доисторический век. Говорят, что он вечен.

Жизнь Куприна кончается трагично. Он заведует какой-то библиотекой.¹⁵⁶

Шаляпин кончает страшно.¹⁵⁷ Это — возмездие.¹⁵⁸ Я был во Флоренции на его спектакле, и в первый раз во Флоренции не было сбора. Во Флоренции его антрепренером был случайно один человек из Одессы. Он рассказывал, как, этот одессит, потерял деньги благодаря Шаляпину и как он его провожал на вокзал. Я познакомился с сыном Шаляпина, который рассказывает страшные вещи. Гениален он по-прежнему. Только нажимать стал. Принимает пищу только в русских ресторанах. Это действенное, вещественное доказательство родины. Он получил орден Почетного легиона.¹⁵⁹ Какой-то журналист пишет воспоминания о нем. Фильма «Дон Кихот», в которой он поет, не имеет успеха.¹⁶⁰

Там война продолжает быть актуальной. В особенности, эта тема актуальна во Франции. Французская деревня представляет трагическое зрелище. Деревни там небольшие. Каждый дом — крепость, ферма. Управление хозяйством там великолепное, но там абсолютная тишина. Всюду пооставались старики со старухами. Наследников у них нет. Франция держится тем, что было там накоплено. Был там в деревнях миллион сельскохозяйственных польских и итальянских рабочих, но с усилением безработицы они пошли в города.

Во Франции боятся Гитлера. Во французском кабинете министров были голоса, что французская армия должна перейти Рейн и атаковать немцев, на что Даладьё¹⁶¹ ответил: «Зачем все эти фразы — давайте будем откровенны: я не вижу сейчас возможности под каким бы то ни было предлогом двинуть французский пролетариат на войну. Единственно, что может быть, это, если немцы перейдут Рейн, вторгнутся во Францию. Тогда нужно будет воевать.»

Отношение во Франции к советским гражданам переменилось. Отношение к русским эмигрантам ухудшилось. Громадная тяга — к франко-русскому соглашению.¹⁶²

Французского кино не существует потому, что оно захвачено спекуляцией. Я видел там один фильм, который надо купить во что бы то ни стало. После «Броненосца Потемкина» это — лучший фильм. Американские фильмы неизмеримо улучшились в смысле игры. Это — Художественный театр, но более подтянутый, с громадным влиянием русского. Там сюжеты отвратитель-

ные, но группа актеров подобралась хорошая — даже снобистская публика аплодирует. Хороший американский фильм, который называется «Кавалькада»¹⁶³ Это — история американской семьи с 1900 года. Картина разворачивается необыкновенно неторопливо. В этом фильме нет шума, хотя он звуковой. Там только один раз прорезывается крик матери, когда она падает в обморок. С точки зрения техники, кино сделано великолепно. Смотришь с напряженным интересом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Настоящая статья основана на материалах, собранных при поддержке американского Управления по международным исследованиям и обмену (IREX) и Центра по международным исследованиям Стэнфордского Университета (Center for International Studies, Stanford University). Пользуюсь случаем поблагодарить Институт мировой литературы им. Горького в лице его директора Ф. Кузнецова и куратора Отдела рукописей Е. Литвин за любезно предоставленную мне возможность работать в архиве Института летом 1989 г. Благодарю также Национальный фонд гуманитарных наук за финансовую поддержку во время написания настоящей работы.

2. Слова в ответ на приглашение присоединиться к протесту против судебного преследования Луи Арагона за стихотворение «Front rouge» в 1931 г. André Breton, *Misère de la poésie* (Paris: Editions Surréalistes, 1932), с. 3.

3. Письмо к Кашириной (Ивановой) 21 сентября 1928 г.: «В литературных или начальственных кругах вращаться не собираюсь. Хотелось бы пожить в тишине». Т. Иванова, «Работать по правилам искусства», *Воспоминания о Бабеле*, сост. А.Н. Пирожкова и Н.Н. Юргенева (Москва: «Книжная палата», 1989 г.), стр. 131.

4. Дневник Фурманова 1926 г.: «И вдруг, вовсе неожиданно, начал он подробнее о статьях Каменева-Зиновьева-Сталина по части троцкизма, даже сравнивать их начал, особенно низко расценивал сталинскую, высоко — камневскую. Меня это и порадовало, т.е. факт интереса к статьям, и удивило, признаться, немало: ишь-ты, братец мой! Даже рыковские статьи помнит, а от Дзержинского прямо в восторге! Точен, краток, практик! Отговорили». — Дневник Фурманова. Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 791. Ср.: Boris Souvarine, *Souvenirs sur Isaak Babel, Panait Istrati, Pierre Pascal; suivi de Lettre à Alexandr Soljenitsine*. Paris, 1985. По-русски воспоминания опублико-

ваны в *Континенте* № 23 (1980), стр. 343-78.

5. По словам друга Бабеля Ильи Львовича Слонима, который делился с автором настоящей статьи своими воспоминаниями в 1960-е годы, Бабель, вернувшись из очередной поездки по районам коллективизации, говорил ему, что происходящее в деревне намного страшнее того, что ему доводилось видеть в гражданскую войну. Дошедшие до нас рассказы Бабеля о коллективизации, «Гапа Гужва» и «Колывушка», могут служить косвенным подтверждением этому свидетельству.

6. В письме родным в Брюссель 3 апреля 1939 г. Бабель сетует о том, что Евгения Гронфайн просрочила и свои документы, и документы дочери. Несомненно, Бабель имел в виду их советские паспорта. См. Isaac Babel, *The Lonely Years: 1925-1939*, Introduction by Natali Babel, translated by Max Hayward and Andrew MacAndrew (New York, 1964), p. 375. В своем вступлении к сборнику Натали Бабель красноречиво говорит о желании своего отца воссоединиться с семьей именно в Советском Союзе. Подготовленный ею сборник рассказов и документов, относящихся к жизни Бабеля в период 1925-1939 гг., содержит до сих пор наиболее полную публикацию писем писателя сестре и матери. Помимо особо оговоренных случаев, все ссылки на переписку Бабеля с родными делаются по этому изданию.

7. См. письма родным из Нальчика 8 ноября 1933 г. (стр. 242) и 11 июля 1935 г. из Парижа (стр. 286).

8. См. Вступление к кн. *The Lonely Years* (стр. XXI и след.).

9. По словам сестры писателя, Бабель никогда не говорил плохо о Советском Союзе. См. Judith Stora-Sandor, *Isaac Babel: l'homme et l'oeuvre* (Париж, 1968), стр. 63.

10. «Письма И.Э. Бабеля Лифшицу, Исааку Леопольдовичу (17/IV/1923 — 28/XII/1937)». ЦГАЛИ, ф. 1559, оп. 1., ед. хр. 15. Письма от 16 и 22 октября соответственно.

11. Там же. Письмо из Киева 31 октября 1928 г.

12. В.П. Полонский, «Из дневника». *Воспоминания о Бабеле* (1989), с. 196.

13. Евгения Гронфайн скончалась во Франции в 1957 г.

14. И. Бабель, *Избранное* (М., 1966), стр. 432-433.

15. В. Шкловский, «И. Бабель: критический романс», *Лэф 2/6* (1924):152-54.

16. А. Лежнев, «И.И. [sic] Бабель: Заметки к выходу 'Конармии'». *Печать и революция*, № 6 (1926), стр. 82.

17. Т. В. Иванова, «Исаак Эмануилович Бабель», в ее *Мои современники, какими я их знала: Очерки* (М., 1984 г.).

18. См. письмо Вяч. Полонскому от 16 октября 1928 г. И. Бабель,

Избранное (М., 1966), стр. 442.

19. В письме родным из Ростова-на-Дону 5 мая 1929 г. Бабель пишет, что начинает хлопотать о визе и надеется не позже, но и не раньше августа быть за границей. *The Lonely Years*, стр. 123-24. В апреле Бабель обещал прислать новую рукопись Вяч. Полонскому к августу. Бабель, *Избранное*, стр. 444.

20. В ответ на приглашение принять участие в выставке «Писатель и колхоз», Бабель послал организаторам выставки 2 сентября 1930 г. следующую записку (она была представлена как экспонат): «Уважаемые товарищи! Я уезжаю сегодня на маневры Ленинградского военного округа. Я принимал участие в кампании по коллективизации Борисоглебского района Киевской области, пробыл там с января по апрель сего года. По возвращении с маневров снова поеду в эти места. Я занят теперь приведением в порядок записей, которые я вел в селе — записи эти надо углубить и продолжить. Я не рассчитываю опубликовать их ранее, чем через несколько месяцев. С товарищеским приветом, И. Бабель».

21. В Отделе рукописей ИМЛИ сохранилось заявление Бабеля в Жилищную комиссию ФОСП 19 января 1930 г.: «У меня нет жилой площади. Семья моя состоит из жены, ребенка и старухи-матери [теща Бабеля]. Они живут в Париже и вернутся в Москву летом нынешнего года. Последние полтора года я прожил в сельских местностях и заводских поселках, переезжая с места на место. В Москве я остановился у приятелей. Ввиду того, что Москва явится местом постоянного моего (и моей семьи) места жительства, прошу предоставить мне квартиру из трех комнат». ИМЛИ, фонд 86. оп. 1, ед. хр. 8.

22. В письме Т.В. Кашириной (Ивановой) из Парижа от 10 сентября 1928 г. Бабель, между прочим, писал: «Чем дольше мое молчание будет продолжаться, тем лучше смогу я обдумать свою работу — только бы, конечно, с долгами развязаться и на прожитые зарабатывать». *Воспоминания о Бабеле* (1989), с. 130.

23. Высланный из Франции, Бруно Ясенский прибыл в Ленинград 28 мая 1929 г. и был встречен официальной делегацией писателей, среди которых был и Владимир Маяковский. См. Катанян, *op. cit.*, стр. 459.

24. Бабель квалифицировался как попутчик чуть ли ни с первых отзывов о его конармейских рассказах в столичной печати и, прежде всего, в *Красной нови*. См., например, Г. Лелевич, «1923 год: Литературные итоги», *На посту* 5 (1924):87. Любопытна характеристика, данная Бабелю Фурмановым в его набросках к так и не осуществленному роману о современной литературной жизни: «Belletrist [*sic*, Г.Ф.],

попутчик, талант — советский, был в боях, участвует в советской работе — критикует сам попутчиков, видит их шатания, к пролетписателям боится идти, опасаясь, что сочтут 'примазавшимся'. (Так или иначе не вступил в РКП.) — Мученик образа, слова, темы, формы — вещи его высокого качества, работает добросовестно, до иступления [...] рассказ пишет три месяца ... правит 10-12 корректур [...)]. Отдел рукописей ИМЛИ, фонд 30, оп. 1, ед. хр. 456.

25. Письмо к Кашириной 12 декабря 1927 г.: «Мне и здесь передавали о том, что московские сплетники болтают о моем «французском подданстве». Тут и отвечать нечего. Сплетникам этим и скучным людям и не снилось, с какой любовью я думаю о России, тянусь к ней и работаю для нее». Т. Иванова, «Работать 'по правилам искусства'», в кн. *Воспоминания о Бабеле* (1989).

26. См. J. Solajczyk, «Polski epizod w biografii Izaaka E. Babla». *Zeszyty naukowe Wyższej szkoły pedagogicznej im. Powstanców śląskich w Opolu. Filologia rosyjska IX. Seria A.* (Opole, 1972), стр. 103-111. Ср.: *Памир*, 1974, № 6.

27. См. «Литературное жульничество. Сомнительная невинность польского еженедельника», *Литературная газета* (10 июля 1930 г.).

28. Повестка дня заседания Правления ФОСП 13 июля 1930 г., помимо дела Бабеля, состояла из вопроса о постройке кооперативного дома и вопроса о «проведении в жизнь постановления правительственной комиссии по улучшению быта писателей». Протокол гласил: «Присутствовали члены Секретариата: Батрак, Кириллов, Ольховый, Коренев и тт. Симмен, Тарасов, Родионов, Зличенко, Николаев, Крутиков, Агапов, Бабель, Пасынок, Хаит, Шкляр, Романенко, Кальм. Председательствовал Кириллов». ОР ИМЛИ, ф. 86, оп. 1, ед. хр. 6, стр. 1-5.

29. Janina Solajczyk, *op. cit.*, с. 109-111.

30. Опубликованная Солайчик стенограмма содержит некоторые разночтения с копией, хранящейся в ИМЛИ. Поэтому я цитирую ее по архивному тексту.

31. Письмо родным 8 февраля 1931 г. *The Lonely Years*, с. 160.

32. Накануне выхода первого издания *Конармии*, когда многие рассказы этого цикла были уже напечатаны в журналах, заведовавший Госиздатом В. И. Нарбут просит Горького (письмо 7 августа 1925 г.) «сказать два слова читающей братии и об этом писателе, так несправедливо и жестоко осуждаемом в настоящее время кое-кем из наших доморожденных критиков (например, Осинским в «Правде» и напостовцами с знаменитым Семеном Родовым во главе)».

33. В. Вешнев, «Поэзия бандитизма», *Молодая гвардия*, № 7/8 (1924).

34. См., напр., Т. Чурилин, «Сегодняшнее-вчерашнее. Тугие дела на литературном фронте». *Альманах пролеткульта* (М., 1925).

35. Выступление Буденного в *Правде* (10 октября 1928) и отповедь Горького (*Правда*, 27 ноября 1928 г.) явились лишь кульминацией кампании против Бабеля, которая велась с 1924 г. (см. Буденный, «Бабизм Бабеля из 'Красной нови'», *Октябрь*, № 3 [1924]) и особенно усилилась с «падением» Воронского. Иллюстрацией может послужить следующая заметка из газеты *Читатель и писатель* (18 февраля 1928 г.): «Ко дню 10-летия Красной армии клубные кружки 56 Кавалерийского полка готовят литературный суд над *Конармией* [...] при участии инспектора кавалерии Красной армии, члена реввоенсовета С.М. Буденного и автора *Конармии* И. Бабеля».

36. Л. Авербах, «Доклад на пленуме», *Литературная газета*, 23 сент. 1929 г.

37. Горький выехал из Берлина в Москву 29 мая 1929 г. Горький пробыл в СССР до 23 октября и вернулся в Сорренто 26 октября 1929 г. Во время этой поездки, 20 июня, Горький посещает лагерь на Соловках. См. *Летопись жизни и творчества А.М. Горького: 1917-1929*, вып. 3 (М., 1959 г.), с. 729.

38. А.В. Луначарский, *Статьи о Горьком* (М., 1938), стр. 107. Л.И. Тимофеев, «Горький в переписке с советскими писателями», *Литературное наследство*, т. 70 (М., 1963), стр. 14.

39. Сопоставлению автобиографических замечаний Бабеля о своей молодости с документальными фактами посвящена статья Ю. Спектора, «Молодой Бабель» (*Вопросы литературы* 7 [1982]).

40. Жига (Смирнов), Иван Федорович (1895-49) — прозаик и поэт, сотрудник «Правды», активный член РАПП, заслуживший порицание Горького за групповщину и предвзятость: «Среди литераторов одного и того же лагеря нет единогласия. Факт крайне печальный и опасный. Констатировать наличие его — необходимо, но не в той форме, как это делаете Вы, усугубляя тоном своим ожесточение и вражду в своей же, революционной среде». Архив Горького. Цит. по *ЛН* 70, стр. 14.

41. См., напр., *Забывтый Бабель: сборник малоизвестных произведений И. Бабеля*. Сост. и ред. Николас Струуд (Ann Arbor, Mich., 1979).

42. Главным образом, в «Заре Востока» и одесских «Известиях». См. М. Jovanovic, *Umetnost Isaka Babelja* (Белград, 1975), стр. 515.

43. См. прим. 24. См также В. П. Полонский, «Из дневника». *Воспоминания о Бабеле* (1989), с. 195-199.

44. См., напр., Б. Ольховый, «О попутничестве и попутчиках», *Печать и революция* 5 и 6 (1929).

45. Дневник Фурманова. ЦГАЛИ (см. прим. 24).

46. О роли русской литературы в выработке понятия советского гражданства см. мою статью «Authorship and Citizenship: A Problem for Modern Russian Literature». *Stanford Slavic Studies* 1 (1987). См. также мою статью «On Literary Authority: Christian Motifs and Justification of Literature in the Modern Russian Tradition». *The Russian Review*, forthcoming. В настоящее время готовится к печати моя статья «Romans Into Italians: Belles Lettres and the Vicissitudes of Russian National Identity (1905-1990)».

47. Метафора беременности крольчихи и слона, которой Илья Эренбург воспользовался для характеристики творческого процесса в своем докладе на Первом съезде советских писателей, была с готовностью подхвачена Бабелем. См. *Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет* (М., 1934 г.), сс. 184 (Эренбург) и 279-80 (Бабель).

48. *Первый Всесоюзный съезд*, сс. 279-80. В литературном наследии самого Бабеля эта образная модель восходит к очерку «Дворец материнства», который был опубликован в *Новой жизни* Горького в 1918 г. Перепечатан в *Литературный Киргизстан* 2 (1969) и в *Забывтый Бабель* (сост. и ред. Nikolas Stroud [Ann Arbor, Mich., 1979]).

49. См. Полонский, *op. cit.* (прим. 57).

50. Протокол заседания Секретариата ФОСП от 13 июля 1930 г. Часть стенограммы: выступление Бабеля. ИМЛИ, Отдел рукописей, ф. 86, оп. 1, е.х. 6, стр. 1-15.

51. Об этих планах см. *Литературное наследство*, т. 70: *Горький и советские писатели. Неизданная переписка* (М., 1963), стр. 40.

52. Запись 24 января 1926 г.: «Давно уже думает он [Бабель] про книгу о «Чека», об этой книге говорил еще весной, думает все и теперь. Да «всего» пока нельзя, говорит, сказать, а комкать неохота — потому думаю, коплю, но терплю... Но это — не главное. Главное — Чека его схвачен. [О *Конармии* говорил:] что я видел у Буденного, то и дал. А видал много страшного: рубку пленных. Она часто практиковалась, что с глаз у меня нейдет». И еще одна запись Фурманова: «Потом говорил, что хочет писать большую вещь о Ч.К. — [следует как бы прямая речь Бабеля, Г.Ф.] — только не знаю, справлюсь ли — очень уж однобоко думаю о ЧК. И это от того, что чекисты, которых знаю, ну... ну просто святые люди, даже те, что собственноручно расстреливали. И я опасуюсь, не получилось бы приторно. А другой стороны не знаю. Да и не знаю вовсе настроений тех, которые населяли камеры — это меня как-то даже и не интересует. Все-таки возьмусь. Отговорили». — Дневник Фурманова. Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 791. Полностью эта запись не публиковалась.

53. И. Бабель, «Еврейка», *Год за годом: Литературный ежегодник*, № 4 (М., 1988).
54. Этому же колхозному циклу принадлежит рассказ «Кольвушка» (с подзаголовком «Великая Старица»), впервые опубликованный в альманахе *Воздушные пути*, т. III (Нью-Йорк, 1963). Рассказ перепечатан в *Звезде Востока*, 3 (1967).
55. «Сюжеты все из детской поры, но приврано, конечно, многое и переменено — когда книжка будет окончена — тогда станет ясно для чего мне все это было нужно». — Из письма Бабеля матери и сестре от 14 октября 1931 г. Подробнее о планах эпического цикла в моей монографии «Isaak Babel», *European Writers: The Twentieth Century* (New York: Scribner's, 1989).
56. См. Виктор Шкловский, «О людях, которые идут по одной и той же дороге и об этом не знают. Конец барокко» (*Литературная газета*, 17 июля 1932 г.) и Г. Мунблит, «О новых рассказах И. Бабеля» (*Литературная газета*, 11 октября 1932 г.).
57. В.П. Полонский, «Из дневника». *Воспоминания о Бабеле*, стр. 195-199.
58. Письмо из Ростова-на-Дону 5 мая 1929 г. *The Lonely Years*, стр. 123-124.
59. Полонский, *ibid.* Очевидно, речь идет о рассказах «Гапа Гужва» и «Кольвушка». См. также письмо Бабеля Полонскому 10 октября 1930 г. с обещанием начать публиковаться в 1931 г. Бабель, *Избранное*, стр. 446.
60. Письмо родным 17 ноября 1930 г. *The Lonely Years*, стр. 153.
61. См., напр., письма 14 декабря 1930 г., 19 февраля и 17 марта 1931 г.
62. Письмо родным 24 мая 1931 г.
63. См. E.J. Brown, *The Proletarian Episode in Russian Literature: 1928-1932* (New York, 1971), стр. 184 и след.
64. В 1931 г. вышли «Карл-Янкель» (*Звезда* 7), «Пробуждение» (*Молодая гвардия* 17-18), «В подвале», «Гапа Гужва», (*Новый мир* 10). В 1932 г. — «Конец богадельни», «Дорога» и «Гюи де Мопассан» (30 дней 1, 3, 6).
65. Помимо Бабеля были назначены: Никулин, Мстиславский, Исбах, Зелинский, Киришон, Инбер, Маркиш, Сельвинский и Романов.
66. Антонина Пирожкова, «Годы, прошедшие рядом (1932-1939)», *Воспоминания о Бабеле* (1989), с. 237.
67. 19-м сентября датировано письмо Бабеля сестре, отправленное из St. Jacut de la mer, где он в это время отдыхал с семьей — *The Lonely Years*, стр. 219.

68. См. письмо Бабеля сестре и матери от 10 июля 1933 г., отправленное из Парижа в Брюссель — *The Lonely Years*, стр. 238.
69. В письме сестре, отправленном из Флоренции 5 мая 1933 г., Бабель с удовлетворением отмечает похвальные отзывы *Литературной газеты* (хотя и подозревает инициативу Горького в этом деле) — *Lonely Years*, стр. 236. Бабель мог иметь в виду статью В. Шкловского, «Юго-запад» (*Литературная газета* от 5 января 1933 г.), где лестная оценка Бабеля резко расходилась со снисходительным отзывом о Бабеле того же Шкловского в статье «О людях, которые идут по одной и той же дороге и об этом не знают. Конец барокко» (*Литературная газета*, 17 июля 1932 г.). Отмечу также и лестное упоминание Бабеля Д. Мирским в его статье «История одного освобождения» (*Литературная газета*, 29 февраля 1932 г.), где Мирский называет произведения Бабеля в числе причин, побудивших его, Мирского, к репатриации.
70. По воспоминаниям А. Пирожковой, с которой Бабель познакомился за несколько дней до отъезда, выехав за границу, он писал ей «почти ежедневно» (переписка и весь архив писателя были конфискованы НКВД и, как кажется, пропали навсегда). *Воспоминания о Бабеле*, стр. 232.
71. См. «Учитель. Беседа с тов. И. Бабелем» (*Комсомольская правда*, 27 июля 1936 г.) и «Начало» (первоначально в *Литературной газете* 18 июня 1937 г.).
72. *The Lonely Years*, стр. 238.
73. Рассказы «Мой первый гонорар», «Нефть», «Улица Данте», ни один из которых в альманахе не был напечатан несмотря на рекомендацию Горького.
74. Как известно, советское правительство не спешило реагировать на потенциальную опасность со стороны нацистской Германии, возобновив в мае 1933 г. уже с гитлеровским правительством Рапалльский договор. Немецкие военные установки в СССР были закрыты лишь поздней осенью 1933 г. Поворотным пунктом в отношениях с гитлеровской Германией принято считать полное тревоги выступление М.М. Литвинова 29 декабря 1933 в ЦИК Верховного Совета СССР. Однако, как показывают речи Сталина и Бухарина на XVII съезде партии в январе 1934 г., разногласия в отношении Германии продолжались. Особенной медлительностью в осознании нацистской опасности отличался Коминтерн; Сталин лишь с марта 1934 г. начал поощрять французских коммунистов к объединению всех антифашистских сил во Франции. См. Adam Ulam, *Expansion and Coexistence: Soviet Foreign Policy, 1917-1973*, 2d Edition (New York, 1974), pp. 192-197; Leonard

Shapiro, *The Communist Party of the Soviet Union* (New York, 1971), pp. 485-86; Robert C. Tucker, *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928-1941* (New York, 1990), pp. 234-237.

75. Л. Флейшман, *Пастернак в тридцатые годы* (Иерусалим, 1984), стр. 128-135.

76. Письмо родным из Сорренто 11 мая 1933 г.

77. Статья была напечатана в *Правде и Известиях* 5 августа 1933 г.

78. Письмо А.Г. Слоним из Парижа от 29 мая 1933 г. — Бабель, *Избранное* (М. 1966), стр. 452.

79. Очевидно, Бабель приступил к работе над фильмом об Азефе после неудач с попытками экранизировать *Конармию*. (По сообщению М. И. Будберг, французские кинематографисты интересовались экранизацией *Конармии*. *Литературное наследство*, т. 70: *Горький и советские писатели. Неизданная переписка* (М., 1963), стр. 42.) Над сценарием фильма об Азефе Бабель работал вместе с Ольгой Алексеевной Колбасиной (разведенной женой руководителя эсеровской партии В. М. Чернова) и написал с ней две сцены. А. Пирожкова, «Годы, прошедшие рядом (1932-1939)», *Воспоминания о Бабеле*, с. 242. Материалы об Азефе Бабель и Колбасина могли почерпнуть из книги Бориса Николаевского, *История одного предателя: террористы и политическая полиция* (Берлин, «Петрополис», 1932 г.).

80. *Избранное*, стр. 452. *The Lonely Years*, стр. 236-237.

81. *The Lonely Years*, стр. 237.

82. *Воспоминания о Бабеле*, с. 242.

83. *The Lonely Years*, стр. 238.

84. Письмо от 1 сентября 1933 г. *The Lonely Years*, стр. 239.

85. Л. Флейшман, *Пастернак в тридцатые годы*, стр. 129 и след.

86. ИМЛИ Фонд 86 (И. Э. Бабель), опись 1, единица хранения 6: «Впечатления от путешествия по Европе» (стенограмма выступления 11 сент., 1933 г.) Машинопись. Неполный текст стенограммы опубликован С. Поварцовым в его статье, «Мир, видимый через человека: К творческой биографии И. Бабея», в книге *Воспоминания о Бабеле* (1989 г.), с. 329-332. До этого части стенограммы — в подцензурном и неполном виде — публиковались С. Поварцовым в *Вопросах литературы* 4 (1974):244-48 и в *Вопросах литературы* 4 (1979):163-65.

87. Текст, фактически идентичный заметке в *Вечерней Москве*, был опубликован в *Литературном Ленинграде* 26 сентября 1933 г. («Глазами писателя. И. Бабель о заграничной поездке»).

88. См., напр., серию статей И. Эренбурга о литературном мире Франции, в летних номерах *Литературной газеты* 1933 г.

89. *Литературная газета*, 12 сентября 1933 г.

90. См. также: Ив. Анисимов, «Путешествие на край ночи — новый роман французского писателя Луи Селина», *Литературная газета* (29 августа 1933 г.).

91. Новую веру знаменитый французский писатель исповедовал публично с 1932 по 1936 г., когда он отрекся от нее, заявив о горьком разочаровании Советской Россией в нашумевшей книге *Retour de l'U.R.S.S.*

92. André Gide, «Pages du Journal», *Nouvelle Revue Française* (1 juillet, 1932). Перепечатано в *Литературной газете*, 23 июля 1932 г. После этой публикации материалы, связанные с именем А. Жида, появляются чуть ли ни в каждом номере газеты.

93. В письме родным из Москвы 14 декабря 1931 г. Бабель говорит о себе как о человеке, который сделан из «теста, замешанного на упрямстве и терпении». Он продолжил в философском, точнее, ницшеанском стиле: «Когда эти два элемента напряжены до предела, — только тогда я испытываю la joie de vivre — и это то, что я теперь испытываю. В конце концов, чего же ради мы живем? Ради удовольствия, понимаемого в самом широком смысле слова, ради утверждения собственного достоинства и ценности». *The Lonely Years*, стр. 154.

94. Robert C. Tucker, *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928-1941* (New York, 1990), pp. 234-237. Благодаря своим дружеским связям с советскими военачальниками, Бабель мог располагать и различного рода частными сведениями. См. воспоминания Б. Суварина, прим. 4.

95. Renzo de Felice, *Interpretations of Fascism*, trans. by Brenda Huff Everett (Cambridge, Mass., 1977), pp. 57ff., 75ff., и далее. Известен интерес Муссолини и итальянских фашистов к Советскому Союзу. Сопратники Муссолини, как о том свидетельствуют документы, выражали опасения, что фашизм настолько сильно приблизился к коммунизму, что ему грозит потеря своего собственного лица. См. Mack Smith, *Mussolini* (London, 1973), с. 198. Цит. по: Igor Golomstock, *Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy and the People's Republic of China*, trans. by Robert Chandler (Harper Collins Publishers, 1990), с. 115.

96. Это наблюдение Бабея недавно получило подтверждение из уст ветерана советской дипломатии: «Не все, видимо, знают об отношениях Сталина и Муссолини в 30-х годах [...] У нас в тот период были разносторонние, в том числе доверительные, отношения с Муссолини. Он, например, просил Сталина, чтобы тот прислал ему сценарий проведения демонстраций на Красной площади 1 мая и 7 ноября. Сталин послал такой сценарий, и Муссолини дублировал эти демонстрации».

Мне удалось присутствовать на одной из таких демонстраций с участием Муссолини». С.А. Слипченко, «Ветераны о посольской службе», *Международная жизнь* 9 (1989 г.):140-41. Благодарю профессора Виктора Заславского, любезно указавшего мне на этот источник.

97. Об этом см. особенно George L. Mosse, *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars Through the Third Reich* (New York, 1975).

98. М. Горький «О точке и о кочке» (1933). *Собрание сочинений в тридцати томах* (М., 1955), т. 27, с. 49.

99. Max Gallo, *Mussolini's Italy: Twenty Years of the Fascist Era*, trans. by Charles Lam Markmann (London, 1973), p. 211.

100. Горький, «О точке и о кочке», с. 49.

101. «Речь тов. Бухарина на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б)», *Известия*, 14 января 1933 г.

102. *Первый Всесоюзный съезд*, с. 16. См. выступление Горького 22 августа: «Не думаете ли вы, что, слишком подчеркивая и возвышая одну и ту же фигуру, мы тем самым затемняем рост и значение других [...] я опасаясь, что чрезмерное расхваливание одних способно вызвать у других чувства и настроения вредные для нашего общего дела, для нормального роста нашей литературы». *Первый Всесоюзный съезд*, с. 225.

103. *Первый Всесоюзный съезд*, стр. 280. См. также прим. 102.

104. См. обзорную статью Luciano Zani, «L'immagine dell'Urss nell'Italia degli anni trenta i viaggiatori», *Storia Contemporanea* 21, no. 6 (dicembre 1990): 1197-1223. Пользуюсь случаем выразить благодарность коллеге Виктору Заславскому, который обратил мое внимание на эту статью.

105. P. Vita-Finzi, *Giorni lontani* (Bologna, 1989), p. 330. Цит. по Л. Зани (см. прим. 104).

106. Mosse, *op. cit.* с. 8.

107. G. Hosking, *The First Socialist Society* (Cambridge, Mass., 1985), с. 215.

108. Все средства массовой информации, включая прессу, радио и кино, находились либо в непосредственном ведении государства (Министерство народной культуры и т.п.), либо контролировались через фашистскую партию и профессиональные союзы. См. Herman Finer, *op. cit.*, pp. 238-241. К 1933 г. число членов фашистской партии, включая молодежные организации, составляло 4 миллиона; приблизительно столько же участников насчитывали фашистские профсоюзы. Центром пропаганды был, конечно, *il Duce*, который уже в 1925 г. лично участвовал в «битве за урожай» (*Battaglia del Grano*), с офици-

альными соревнованиями между участниками «полевой пехоты», которым присваивались золотые, серебряные и бронзовые медали. Gallo, *op. cit.* 232-33. Не обходилось и без курьезов. Среди огромного числа статуй Муссолини на коне некоторые были оснащены специальным устройством, от которого глаза статуи зажигались попеременно зеленым, белым и красным светом — государственными цветами Италии. Муссолини также принадлежит приоритет трюка «света в окне», которым в свое время будет пользоваться «работающий ночь напролет» Сталин. Gallo, *op. cit.*, с. 211-12.

109. Ср. восхваление мифа Горьким: «Нет и никогда не было литературы, кроме литературы советской, которая организовывала бы трудящихся на борьбу за окончательное уничтожение...». М. Горький, «Доклад о советской литературе», *Первый Всесоюзный съезд*, с. 3.

110. Ср. Gallo, *op. cit.* 232-33. См. прим. 106.

111. Типичное для того времени советское отождествление фашизма с социал-демократией.

112. Аналогичные высказывания Муссолини можно найти в *Mussolini Gespräche mit Emil Ludwig* (Berlin, 1932), с. 72.

113. Italo Balbo (1896-1940) — знаменитый авиатор, один из виднейших деятелей фашистской партии, министр авиации в правительстве Муссолини до ноября 1933 г, затем генерал-губернатор Ливии. Наряду с Муссолини Бальбо слыл самым харизматическим лидером фашистской Италии. См. Claudio G. Segre, *Italo Balbo: A Fascist's Life* (Berkeley: University of California Press, 1987), p. 266.

114. Бабель имеет ввиду годовщину вступления Италии в Первую мировую войну — 24 мая 1915 г. — одну из самых знаменательных дат фашистского календаря. См. Herman Finer, *Mussolini's Italy* (London, 1935), с. 105. Празднование этой годовщины Бабель мог наблюдать воочию, когда он остановился во Флоренции 24 мая 1933 г. по дороге из Сорренто в Париж. *The Lonely Years*, с. 235.

115. См. прим. 96.

116. См. прим. 110.

117. Успехи итальянской авиации широко, энергично и с большим искусством рекламировались Итало Бальбо и его министерством. Летом 1933 г. состоявшая из 25 гидропланов эскадрилья совершила под предводительством Итало Бальбо замечательный по тем временам трансатлантический перелет (Остия-Чикаго-Остия). 17 июля в Чикаго одна из улиц в честь перелета получила название Бальбо авеню. В Нью-Йорке Бальбо и его пилотам-соратникам был устроен традиционный парад на Бродвее (21 июля), а 20 июля был принят в Белом доме. В Риме эскадрилью ожидал невиданный с древних времен

почет — триумфальный парад под Аркой Константина 13 августа. Serge, *op. cit.*, 230-259. Обо всех этих достижениях Итало Бальбо и его авиации Бабель, который покинул Рим около 20 мая, мог позднее узнать из газет.

118. Евгений Гнедин, в конце двадцатых годов служивший в советском торгпредстве в Италии, рассказывал автору настоящей статьи о том, как Муссолини в присутствии советских представителей укорял высокого чиновника из Министерства иностранных дел в непонимании концепции «государственной монополии на внешнюю торговлю». «В следующий раз приходите прямо ко мне», — вспоминал Гнедин заключительное напутствие Муссолини советским торгпредам, — «я ведь — старый социалист и понимаю, что такое государственная монополия».

119. В соответствии со статьей XXXIV Конкордата, подписанного в 1929 г. Кардиналом Гаспари и Муссолини, «католическая доктрина» составляла «основание и вершину общественного образования». Как пишет итальянский историк Макс Галло, после подписания Конкордата «церковь принимала участие в каждодневной жизни фашизма». Max Gallo, *op. cit.*, сс. 230-231.

120. В 1932-35 гг. в Риме на via Nazionale устраивалась ежегодная Выставка Фашистской революции. Одной из отличительных черт этой выставки был обязательный почетный караул, состоявший из именитых граждан, ученых, сенаторов и крупных деятелей фашизма. Max Gallo, *op. cit.*, p. 229.

121. В вопросу улучшения быта писателей были посвящены статьи в *Литературной газете* 11 июля 1932 г. под рубрикой «Улучшить материально-бытовое обслуживание писателей». См. также характерную статью Бориса Лавренева «Пора бросить кустарничать! Обеспечить писателю нормальные условия труда!» (*Литературная газета*, 5 августа 1932 г.).

122. Andrew Field, *Nabokov: His Life in Art* (New York, 1977), с. 191 и след.

123. См., например, «Нужен решительный перелом в деле изучения, пропаганды и продвижения классиков. Дайте классиков советскому читателю!», *Литературная газета* 29 июня 1933 г. Поворот к «учебе у классиков» наметился уже в конце 1920-х гг., особенно после первого приезда Горького в СССР весной 1928 года.

124. Nicholas Hayes, «The Intelligentsia-In-Exile: *Sovremennye zapiski and the History of Russian Emigré Thought*» (Doctoral Dissertation, University of Chicago, 1976), сс. 262-294.

125. См., напр., В.С. Варшавский, *Незамеченное поколение* (Нью-

Йорк, 1956), с. 106 и след.

126. Ср. Нина Берберова, *Курсив мой*, *ibid.*, сс. 328-329. См. также Marc Raeff, *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919-1939* (New York: Oxford University Press, 1990), pp. 43-44.

127. Аналогичные суждения за год до этого высказывались И. Эренбургом. См. его «Запад сегодня», *Литературная газета*, 11 сентября 1932 г.

128. *Левифан*, Часть I, гл. 13.

129. Nicholas Hayes, «The Intelligentsia-In-Exile», *ibid.*, pp. 267-268.

130. Договор о ненападении между СССР и Францией, подписанный 29 ноября 1932 г. (см. *Известия*, 30 ноября 1932 г.) и ратифицированный в феврале 1933 г.

131. См. Флейшман, *Пастернак в тридцатые годы*, с. 70 и след.

132. В своей статье «О кочке и о точке» Горький писал: «Скажут: «Начал за здравие, а кончил за упокой». Весьма похоже, а все-таки не совсем. Ибо литература есть дело, а в нашей стране, в наших условиях — даже великое дело. Затем сила жизни такова, что я верю: упокойники [т.е., сбившиеся с истинного пути литераторы] могут воскреснуть». М. Горький, *Собрание сочинений в тридцати томах* (М., 1955), т. 27, с. 48.

133. К аналогичным выводам пришел проникательный иностранный наблюдатель Вальтер Бенджамин во время своей поездки в СССР в 1926-1927 гг. См. Walter Benjamin, «Moskau», *Die Kreatur* II (1927): 71-101.

134. Ср. запись в дневнике близкой Бунину Г.Н. Кузнецовой 13 марта 1933 г.: «У нас наступает бедность. Как-то само собой получилось так, что И.А. стал безработным. Сегодня говорили с ним об этом. Из *Новостей* ни слуха ни духа. Этот месяц уже очень труден, а дальше надо жить на 1700 франков четверым, отдавая на прислугу 700 фр. У И. А. [Бунина] такого положения, кажется, еще не было». Г. Н. Кузнецова, «Из 'Трасского дневника'», *Литературное наследство*, т. 84: *Иван Бунин*, кн. 2-я (М., 1973), с. 292. 10 ноября 1933 г. Бунин получил долгожданный «звонок из Стокгольма» и стал первым русским писателем, удостоенным Нобелевской премии в литературе.

135. Очевидно, Бабель подразумевал скандал, разразившийся между А. М. Ремизовым и ненароком оскорбленной им консьержкой в доме, где он с семьей снимал квартиру в 1928-31 гг. Скандал этот, однако, не имел финансовой подоплеки. См. Н.В. Резникова, *Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове*, Пред. Ольги Раевской-Хьюз (Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980), сс. 91-92.

136. В. С. Довгалевский.

137. Ни письма, ни тем более статьи Бабеля на эту тему неизвестны.

138. Мне не удалось разыскать статью Эренбурга, о которой здесь упоминает Бабель.

139. См. прим. 90.

140. Роман Луи-Фердинанда Селина *Voyage au bout de la nuit* (1932 г.), вышедший в русском переводе Эльзы Триоле (*Путешествие на край ночи*) в 1934 г. В 1936 г., чтобы получить вырученные от русского издания деньги, Селин отправился в Советский Союз. Поездка произвела на него удручающее впечатление, после чего он разразился горячей антикоммунистической проповедью (*Mea culpa*, 1936).

141. Леон Додэ (1867-1942) — писатель, редактор крайне правой католической газеты *Action française*, депутат Национального собрания (1919-1924), автор знаменитого шеститомника мемуаров *Souvenirs de milieux littéraires, politiques, artistiques, et médicaux* (1914-1921).

142. Жорж Клемансо (1841-1929) — один из самых крупных журналистов и политических деятелей своего времени, премьер-министр 1917-1920 гг. и один из главных архитекторов Версальского договора; оставил после себя обширное литературно-публицистическое наследие (двадцать четыре книги). Известно, что Леон Додэ, несмотря на свои крайне правые взгляды, был поклонником Клемансо. См. его *Clemenceau qui sauva France* (Paris, 1930), а также его политическую биографию Клемансо *La Vie Orageuse de Clemenceau* (Paris, 1938).

143. Завещание Клемансо: «Это мое завещание. Я хочу, чтобы меня похоронили в Коломбье, рядом с моим отцом. Пусть тело мое будет отправлено из морга на кладбище без каких бы то ни было процессий и церемоний. Никаких манифестаций, никаких приглашений, никаких ритуалов. Вокруг могилы — ничего, кроме железной ограды, без имени, как у моего отца. В гроб мой положить вместе со мной палку со свинцовым набалдашником, которая у меня была в детстве, и небольшой покрытый лаком ящик, который найдут в левом углу верхней полки моего платяного шкафа. В ящике должна остаться маленькая книжка, которую положила туда моя дорогая мама. Вместе с ящиком положить два букетика засушенных цветов; их найдут на каминной полке в комнате, выходящей в сад. Меньший из букетиков положить в футляр из раковин, содержащий большой букет, и положить его рядом с моим телом. Душеприказчиками я называю дорогого моего друга Николая Пиетри вместе с мэтром Пурнэном и моим сыном Мишелем и заранее благодарю их за все эти хлопоты. Составлено в Париже 28 марта 1929 г. Жорж Клемансо». Цит. по J. Hampden Jackson, *Clemenceau and the Third Republic* (New York, 1948), с. 255.

144. В октябре 1921 г. Клемансо присутствовал на открытии воздвигнутой в честь его восьмидесятилетия статуи в деревне Сэн-Эрмин под Вандеей. См. Edgar Holt, *The Life of Georges Clemenceau (1841-1929)* (London, 1976), с. 251. См. также почти ежедневную переписку Клемансо с Margerite Baldensperger, *Lettres à une Amie* (Paris, 1970).

145. Очевидно, опечатка. Следует читать «о конце французской империи».

146. См. прим. 138.

147. Возможно, Бабель имеет в виду так называемое «дело Арагона» и раскол в рядах сюрреалистов, вызванный обращением Арагона в коммунизм. См. André Breton, *Misère de la poésie* (Paris: Editions Surréalistes, 1932). Подробнее о деле Арагона см. Maurice Nadeau, *The History of Surrealism*, trans. by Richard Howard (Cambridge, Mass., 1989), pp. 175-182.

148. Бабель имеет в виду знаменитый роман Мальро *La Condition Humaine* (Paris, 1933). 11 июня 1933 г. в *Литературной газете* появилась большая статья И. Эренбурга о Мальро и, в частности, о *La Condition Humaine* («На западном фронте. А. Мальро»).

149. По цензурным соображениям, очевидно связанным с упоминанием в романе имени Троцкого, *La Condition Humaine* опубликован не был.

150. Т.е. обращение в коммунизм. Первое публичное заявление Андрэ Жида в поддержку коммунистического эксперимента в России появилось в 1932 г. в июльском номере журнала *Nouvelle Revue Française*. См. Frederick John Harris, *André Gide and Romain Rolland: Two Men Divided* (New Brunswick, New Jersey, 1973), с. 111. На него тотчас же откликнулась *Литературная газета*. См. прим. 91. Бабель был представлен Жиду во время своего пребывания во Франции. Сохранилась записка 13 ноября 1935 г. от редактора журнала *Знамя*, С. И. Ващенко, переводчику Жида Загорскому: «[...] Андрэ Жид просил И.Э. Бабеля (через Эренбурга), чтобы он проредактировал его перевод». ЦГАЛИ, 2268, оп. 1, ед. хр., 15, лист 17.

151. См., напр., E. Henriot, «André Gide communiste», *Le Temps* (10 октября 1932 г.), Thierry Maulnier, «Sur une conversion», *L'Action Française* (10 ноября 1932 г.), A. Fabre-Luce, «Contre la Manifestation Gide», *Pamphlet* (31 марта 1933 г.), и «La Conversion de M. Gide», *L'Action Française* (6 июня 1933 г.). О реакции советских властей на заявление Жида см. Z. Lvovsky, «Moscou répond à la conversion d'André Gide», *Nouvelles littéraires* (24 декабря 1932 г.). Последняя статья состоит из сопровождаемого кратким комментарием перевода статьи Ив. Анисимова «Андре Жид и капитализм» (*Литературная газета*, 29

ноября 1932 г.). В интервью, данном Эренбургу, А. Жид заявил: «Я — сталинец». См. И. Эренбург, «На западе» (*Литературная газета*, 11 сентября 1932 г.).

152. Очевидно, имеется ввиду митинг 21 марта. См. Paul Vaillant-Couturier, «André Gide parlera se soir, salle Cadet», *L'Humanité* (21 марта, 1933). Лозунг митинга: «Против террора в Германии и французского империализма». См. заметку об этом в отделе хроники французской газеты *Nouvelles littéraires* 25 марта 1933 г.

153. Paul Vaillant-Couturier (1892-1937) — французский писатель, поэт, журналист, один из основателей французской коммунистической партии, с 1928 г. — главный редактор *L'Humanité*.

154. Как иронизировала над этим *Nouvelles littéraires* (25 марта 1933 г., см. прим. 150), свобода слова собравшихся была обеспечена большим нарядом «империалистической полиции».

155. Слухи о готовящемся присуждении Нобелевской премии Мережковскому имели широкое хождение уже в 1932 году. См. сообщение о присуждении Нобелевской премии Дж. Голсуорси в *Nouvelles littéraires* 12 ноября 1932 г.

156. Куприн вернулся в СССР в 1938 г.

157. Как рассказывал автору настоящей статьи И.Л. Слоним, Бабель, вернувшись в Москву, первым делом отправился к Горькому, у которого застал Сталина. «А вот Исаак Эммануилович только что вернулся из Парижа», — представил Горький Бабеля Сталину, — «он нам сейчас расскажет, как Шаялину живется за границей». Бабеля, который встречался с Шаялиным в Париже (см. С. Головановский, «Великий одессит», *Воспоминания о Бабеле*, стр. 209 и след.), вопрос этот застал врасплох. «Я тогда», — рассказывал он Слониму, — «как когда-то Пушкин перед Николаем I, испытал 'подлость во всех жилах' и стал рассказывать, что, мол, Шаялину там ужасно живется, что он, де, от отчаяния горькую пьет и т.п. Сталин попытлел трубкой и буркнул: «Такой талант погибает. Надо его к нам сюда выписать».

158. Очевидно, Бабель имеет ввиду судебный иск, который Шаялин возбудил в июне 1930 г. во Франции против Советского представительства за незаконное распространение первого издания (1927 г.) его мемуаров и присвоение доходов. См. Ю. Котляров и В. Герман, сост., *Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаялина*, изд. 2-е, доп., кн. 2 (Л., 1989), с. 284. Иск представлял собой первый открытый вызов, брошенный Шаялиным советской власти. Выехав в европейское турне 29 июня 1922 г., Шаялин в Советскую Россию так никогда и не вернулся. Однако, отношение к СССР этого известного выходца из низов не было однозначным — ни в идеологиче-

ском плане (он симпатизировал революции), ни формально (он долгое время оставался советским гражданином и продолжал выплачивать налоги). Первым толчком к разрыву Шаялина с советской властью послужило лишение его звания «Первого народного артиста Советской республики» в 1927 г. и угроза лишения советского гражданства. «О том, что у человека можно отнять сделанный ему подарок, додумались только представители пролетарской культуры», — писал он во втором издании своих воспоминаний *Маска и судьба* (Париж: «Современные записки», 1932 г., с. 329). Максим Горький, друг Шаялина, играл немалую роль в попытках советского правительства склонить Шаялина к возвращению. «Очень хотят послушать тебя в Москве. Мне это говорил Сталин, Ворошилов и др. Даже «скалу» в Крыму и еще какие-то сокровища возвратили бы тебе», — писал Горький Шаялину в ноябре 1928 г. («Неизвестные письма Горького», *Новый мир* 1 [1986]:192). «Не хочу потому, что не имею веры в возможность для меня там жить и работать, как я понимаю жизнь и работу» (Шаялин, *Маска и судьба*, с. 339). Горький разорвал с Шаялиным после выхода *Маски и судьбы* в 1932 г. См. *Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаялина*, кн. 2., с. 306. Сталин не терял надежды на возвращение Шаялина, по крайней мере, до 1936 г. См. Victor Bogovsky, *Chaliapin: A Critical Biography* (New York, 1988), p. 531. См. также Solomon Hurok, *Impressario: A Memoir* (New York, 1946), pp. 56-57. Интересно, что в 1932 г. распространились слухи о возвращении Шаялина в Россию, включая (намеченное на 13 февраля) его выступление в Большом театре. *Маска и судьба*, с. 330.

159. Орден присужден Шаялину 30 июня 1933 г. *Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаялина*, кн. 2., с. 310.

160. Шаялин писал дочери в апреле 1933 г.: «Сейчас в Париже идет фильм «Дон Кихот» — что я сделал в конце прошлого лета, — успех, слава богам, исключительный, хотя, конечно, не обходится без критики (плохой), в особенности со стороны русских». *Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаялина*, кн. 2., с. 307.

161. Eduard Daladier (1884-1970) — один из ведущих политических деятелей Франции между войнами, неоднократно возглавлял кабинет министров, в частности, с января по октябрь 1933 г.

162. См. прим. 127 и 128.

163. Очевидно, имеется ввиду американский фильм «Кавалькада» (Cavalcade) режисера Уинфильда Шина (Winfield Sheehan) по сценарию английского драматурга Ноеля Кауарда (Noel Coward). В центре фильма — история английской (в стенограмме, очевидно, ошибка) аристократической семьи в период между бурской войной и войной

1914 г. Фильм был поставлен с внушительным по тем временам эпическим размахом — от аристократического салона до массовых сцен военных сражений. Он вышел на экраны в 1932 г. и был восторженно встречен и публикой, и критиками.

«Великолепное презренье»: Проза Михаила Булгакова

Витторио Страда
University of Venezia

Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.

Анна Ахматова.

С точки зрения расположения частей *Записки юного врача* можно читать двояко: в том порядке, как они печатались (главным образом, в специализированном медицинском журнале), и в порядке развертывания событий во времени, как это принято, хотя и с неодинаковыми решениями, при издании этого произведения¹. Так как не существует сборника этих рассказов под редакцией самого автора и нет оснований приписывать их разбросанному появлению неслучайный характер, оба порядка правомерны, хотя тот, что следует внутренней логике, может придать целому большее единство. Но в каком бы порядке ни читать *Записки*, они обладают цельностью, природа которой на документальная, а художественная. Другая проблема предварительного характера — «автобиографизм» *Записок*, как будто не вызывающий сомнений: Булгаков, действительно, был «юным врачом» и начинал профессиональную медицинскую деятельность, затем окончательно оставленную ради литературы, которую он избрал своим жизненным поприщем, в условиях, аналогичных описанным в этом произведении. Для Булгакова пережитое им всегда будет составлять момент внутренних размышлений в творчестве, как это явствует из всех его произведений, вплоть до *Мастера и Маргариты*. Это, однако, не позволяет оценивать творчество писателя в автобиографическом ключе, что бесплодно в отношении критики и поэтики, если под «автобиографией» понимать ряд событий личной жизни, более или менее точное соответствие которым отыскивают в том или ином произведении, а не целостно переживаемую судьбу писателя в историческом времени, которую он